DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/predvoskhodomsol01haup

ГЕРГАРТ ГАУПТМАН

ПРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Издание Петрогр. Сов. Рабоч. и Красноарм. Депутатов,
Петроград, 1919.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. МАРКС, Петроград, Измайл. просп., 29.

832.91
H374PR

Предисловіе ко 2-му изданію.

Представленіе этой драмы состоялось 20-го октября въ Лессингъ-театрѣ и было организовано союзомъ «Свободной сцены». Пользуюсь случаемъ появленія новаго изданія, чтобы отъ всего сердца благодарить руководителей этого союза, въ особенности Отто Брама и П. Шлентера. Пусть будущее покажетъ, что они, вызвавъ къ жизни, вопреки мелочнымъ соображеніямъ, произведеніе, вытекшее изъ чистыхъ мотивовъ,—сослужили службу нѣмецкому искусству.

Шарлоттенбургъ, 26 октября 1889 г.

Гергартъ Гауптманъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Краузе, богатый крестьянинъ.

Г-жа Краузе, его вторая жена.

Елена, Марта — его дочери отъ перваго брака.

Гофманъ, инженеръ, мужъ Марты.

Вильгельмъ Кааль, племянникъ г-жи Краузе.

Г-жа Шпиллеръ, компаньонка г-жи Краузе.

Альфредъ Лотъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ.

Бейбстъ, рабочій въ имѣніи Краузе.

Густа, Лиза, Марія — дѣвушки въ имѣніи Краузе.

Баэръ, по прозванью Гопслабаэръ.

Эдуардъ, слуга Гофмана.

Миля, горничная г-жи Краузе.

Скотница.

Голишъ, по прозванью Гошъ, пастухъ.

Посыльный.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Низкая комната, полъ покрытъ хорошимъ ковромъ, вся обстановка деревенская, но съ претензіей на моду; на стѣнѣ, позади обѣденнаго стола, картина, изображающая повозку, запряженную четверкой, съ возницей въ синей блузѣ.

(Миля, коренастая крестьянская дѣвушка, съ краснымъ, глуповатымъ лицомъ, отворяетъ среднюю дверь и впускаетъ Альфреда Лота. Лотъ средняго роста, широкоплечій, коренастый, съ рѣшительными, немного угловатыми манерами. Русые волосы, голубые глаза, жиденькіе русые усы, лицо костистое, выраженіе лица серьезное, одѣтъ прилично, но не по модѣ. На немъ лѣтнее пальто, черезъ плечо сумка, въ рукахъ палка).

Миля. Пожалуйте, я сейчасъ позову господина инженера. Присядьте пока.

(Стеклянная дверь въ зимній садъ быстро отворяется. Врывается крестьянка съ сине-багровымъ лицомъ отъ злости. Одѣта не лучше прачки. Голыя, красныя руки, синяя юбка и корсажъ. Красный съ крапинами платокъ на груди. Ей лѣтъ сорокъ, лицо грубое, животное, злое. Въ общемъ хорошо сохранилась).

Г-жа Краузе (кричитъ). Эй, дѣвка... такъ и есть... Бѣда съ этими бабами... Вонъ отсюда... мы не подаемъ... (Обращаясь не то къ Милѣ, не то къ Лоту). Работать надо, руки есть. Вонъ, вонъ. Здѣсь не подаютъ.

Лотъ. Позвольте, сударыня... Вѣдь вы... я... моя фамилія Лотъ... я желалъ бы... я даже не имѣю намѣ...

Миля. Я только хотѣла доложить г-ну инженеру...

Г-жа Краузе. У моего зятя выпрашивать, знаемъ мы это... У него ничего нѣтъ здѣсь своего. (Дверь направо отворяется, Гофманъ просовываетъ голову).

Гофманъ. Мамаша, прошу тебя... (Выходитъ, обращаясь къ Лоту). Это что̀? Альфредъ! Дружище! Господи, да неужели же это ты? Вотъ это... это ты умно придумалъ. (Гофманъ, лѣтъ тридцати, стройный, худой, высокаго роста. Одѣтъ

по послѣдней модѣ, элегантно причесанъ, на пальцахъ дорогія кольца, брильянтовыя запонки въ манишкѣ и брелоки на цѣпочкѣ. Волосы густые, усы пышные и холеные. Лицо птичье. Выраженіе лица неопредѣленное, глаза черные, живые, иногда безпокойные).

Лотъ. Я, собственно говоря, совершенно случайно...

Гофманъ (возбужденно). Ахъ, это такъ мило... Ну, это потомъ. (Онъ пробуетъ снять съ него сумку). Болѣе пріятнаго сюрприза рѣшительно не могло случиться. (Беретъ у него шляпу и палку и кладетъ все на стулъ около двери). Рѣшительно не могло...

Лотъ (самъ снимая сумку). Я, собственно говоря, къ тебѣ совершенно случайно. (Кладетъ сумку на столъ на авансценѣ).

Гофманъ. Садись. Ты навѣрно усталъ,—садись, пожалуйста. Помнишь? Когда ты прежде ко мнѣ приходилъ, всегда, бывало, бросался на диванъ, такъ что пружина звенѣла и подбрасывала тебя. Ну-ка, вспомни старину. (Г-жа Краузе смотритъ удивленно и уходитъ. Лотъ садится на одно изъ креселъ, стоящихъ на авансценѣ вокругъ стола).

Гофманъ. Ты что̀ пьешь? Пиво? Вино? Коньякъ? Кофе? Чай? Все есть.

(Изъ зимняго сада выходитъ, читая, Елена; ея большая, пожалуй, даже грубая фигура, прическа ея роскошныхъ волосъ, выраженіе лица, модное платье, походка и весь общій видъ—все-таки не могутъ скрыть ея крестьянскаго происхожденія).

Елена. Ты бы могъ, зятекъ... (Замѣчаетъ Лота и быстро скрывается). Простите, ради Бога. (Уходитъ).

Гофманъ. Куда ты, останься!

Лотъ. Твоя жена?

Гофманъ. Нѣтъ, ея сестра. Развѣ ты не слышалъ, какъ она меня величаетъ?

Лотъ. Нѣтъ.

Гофманъ. Недурна? А?.. Ну, говори же наконецъ, что̀ ты хочешь? Кофе? Ча̀ю? Грогу?

Лотъ. Спасибо, спасибо за все.

Гофманъ (предлагаетъ ему сигару). Ну, можетъ-быть, это? Тоже нѣтъ?

Лотъ. Нѣтъ, спасибо.

Гофманъ. Скромность, достойная удивленія! (Закуриваетъ сигару и въ это время говоритъ) Пе... пепелъ, то-есть табакъ, хотѣлъ я сказать... фу, ты... ну, дымъ... дымъ, конечно, тебѣ не мѣшаетъ?

Лотъ. Нѣтъ.

Гофманъ. Если бы у меня и этого не было... Но разсказывай все, наконецъ. Вѣдь десять лѣтъ прошло,—хотя ты,

впрочемъ, мало измѣнился, — десять лѣтъ времени много. Ну, что подѣлываетъ Ш... Шнурпъ, кажется, такъ? Фипсъ, вся наша веселая компанія? Имѣешь ты о нихъ свѣдѣнія?

Лотъ. Развѣ ты не знаешь?

Гофманъ. Что?

Лотъ. Что онъ застрѣлился.

Гофманъ. Еще застрѣлился? Кто?

Лотъ. Да Фипсъ! Фридрихъ Гильдебрантъ.

Гофманъ. Да что ты?

Лотъ. Да, застрѣлился въ Грюневальдѣ, въ живописномъ мѣстѣ, на берегу Гавельскаго озера. Я былъ тамъ, оттуда видъ на Шпандау.

Гофманъ. Отъ него я этого не ожидалъ. Фипсъ не былъ похожъ на героя.

Лотъ. Потому и застрѣлился. Онъ былъ добросовѣстный, черезчуръ добросовѣстный человѣкъ.

Гофманъ. Добросовѣстный? При чемъ же это тутъ?

Лотъ. Да, именно поэтому... не будь этого, онъ, конечно, не застрѣлился бы.

Гофманъ. Ничего не понимаю.

Лотъ. Ну, ты помнишь его позитивистическія убѣжденія?

Гофманъ. Какъ же. Онъ вѣдь былъ зеленый.

Лотъ. Совершенно вѣрно. Ты вѣдь не будешь отрицать того, что онъ былъ безусловно талантливый юноша. Пять лѣтъ онъ работалъ простымъ штукатуромъ, затѣмъ пять голодалъ и лѣпилъ маленькія статуэтки.

Гофманъ. Ужасное занятіе. Я понимаю искусство, какъ развлеченіе... Нѣтъ, подобнаго рода искусство не по моему вкусу.

Лотъ. Я тоже не любитель, но онъ ужъ пошелъ на это. Прошлой весной они кончали памятникъ, какого-то князька увѣковѣчили. Фипсъ принималъ участіе и заработалъ. Вскорѣ послѣ этого онъ застрѣлился.

Гофманъ. Но гдѣ здѣсь добросовѣстность, рѣшительно не понимаю. Это можно назвать только блажью, сплиномъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.

Лотъ. Да, но это общая участь.

Гофманъ. Очень жаль, но все-таки я съ нимъ не согласенъ.

Лотъ. Ну, для него-то совершенно безразлично, что...

Гофманъ. Да и вообще оставимъ этотъ разговоръ. Я его жалѣю не меньше, чѣмъ ты, но вѣдь онъ уже умеръ. Славный малый былъ... Разскажи лучше что-нибудь про себя, какъ ты жилъ, что подѣлывалъ?

Лотъ. Со мной случилось, что̀ я и ожидалъ. Развѣ ты ничего про меня не слышалъ? То-есть изъ газетъ?

Гофманъ (немного смущенный). Нѣтъ.

Лотъ. Не слыхалъ про мою лейпцигскую исторію?

Гофманъ. Ахъ, про это. Да. Только такъ, случайно.

Лотъ. Дѣло было вотъ какъ...

Гофманъ (беря его за руку). Прежде чѣмъ ты начнешь разсказывать, скажи, ты въ самомъ дѣлѣ ничего не хочешь?

Лотъ. Попозднѣй, можетъ-быть.

Гофманъ. Ну, рюмочку коньяку?

Лотъ. О, нѣтъ. Этого во всякомъ случаѣ нѣтъ.

Гофманъ. Ну, а я выпью рюмочку... Ничего нѣтъ лучше для желудка. (Приноситъ бутылку и двѣ рюмки изъ буфета, ставитъ все это на столъ передъ Лотомъ). Grand Champagne, лучшая марка. Можетъ, выпьешь?

Лотъ. Нѣтъ, спасибо.

Гофманъ (выпиваетъ). А!.. теперь я весь—вниманіе.

Лотъ. Коротко и ясно: влетѣлъ я сильно.

Гофманъ. На два года, кажется?

Лотъ. Совершенно вѣрно. Однако ты, повидимому, освѣдомленъ. Два года тюрьмы, а потомъ меня исключили изъ университета. Тогда мнѣ былъ двадцать одинъ годъ. Во время этого двухлѣтняго заключенія я написалъ мое первое сочиненіе по политической экономіи. Чтобы было очень пріятно сидѣть въ тюрьмѣ, этого я не скажу.

Гофманъ. И какъ только можно было это устроить? Удивляюсь! Надо же было забить себѣ это въ голову. Просто представить себѣ не могу, чтобы ты выкинулъ такое ребячество. Отправиться въ Америку такимъ молокососамъ, какъ мы! Мы—и основаніе образцоваго государства, удивительное зрѣлище!

Лотъ. Ребячество? Да! Въ извѣстномъ отношеніи это была дѣйствительно ребяческая выходка. Мы не разсчитали всей трудности такого предпріятія.

Гофманъ. И ты дѣйствительно поѣхалъ въ Америку, совершенно серьезно, съ пустыми руками... Ну какъ же назвать это? Безъ всякихъ средствъ мечтать объ устройствѣ образцоваго государства, нѣтъ, это прямо... по меньшей мѣрѣ наивно.

Лотъ. Вотъ, какъ разъ, представь себѣ, результатами-то моей поѣздки въ Америку я совершенно доволенъ.

Гофманъ (громко засмѣявшись). Если ты считаешь прекраснымъ результатомъ холодный душъ...

Лотъ. Возможно, что я немного и поостылъ, но это еще не значитъ, что со мной случилось что-то особенное. Каждому приходится пройти черезъ разочарованія. Но я далекъ отъ того, чтобы не признавать достоинствъ за тѣмъ, ну, скажемъ, горячимъ временемъ. Оно вовсе ужъ не было такъ наивно, какъ ты думаешь.

Гофманъ. Можетъ-быть... не знаю.

Лотъ. Ты вспомни только всѣ наши мальчишескія развлеченія: вся эта корпораціонная жизнь въ университетѣ, пьянство, драки. Къ чему вся эта ерунда? Или, какъ Фипсъ говорилъ: что̀ ему Гекуба!.. Вѣдь не на этомъ же все было основано. Нѣтъ, у насъ были самые высшіе человѣческіе идеалы. И все-таки, несмотря на это, то наивное время помогло мнѣ отдѣлаться отъ многихъ предразсудковъ. И мнимая религія и мнимая мораль.

Гофманъ. Въ этомъ я совершенно согласенъ съ тобой. Если я сталъ развитымъ человѣкомъ безъ всякихъ предразсудковъ, то, конечно, — я никогда не лгу, — благодаря днямъ нашей дружбы. Безъ сомнѣнія, меньше, чѣмъ кто-нибудь, я отрицаю это. Я вообще во всѣхъ отношеніяхъ не дикарь, но не могу же я прошибать стѣну лбомъ? Ну къ чему увеличивать еще больше несчастія, которымъ, къ сожалѣнію, подвергается современное поколѣніе. Надо всему давать идти своимъ естественнымъ порядкомъ. Что̀ должно быть, то пусть и будетъ! Практичнымъ, практичнымъ надо быть прежде всего. Припомни, я и прежде такъ разсуждалъ, и это принесло свои плоды. Въ этомъ все дѣло. Вы же всѣ, не исключая и тебя, поступаете поразительно непрактично.

Лотъ. Въ чемъ же именно? Объясни, пожалуйста!

Гофманъ. Очень просто. Вы не умѣете использовать вашихъ способностей. Напримѣръ, ты: человѣкъ ты образованный, свѣдущій, энергичный и такъ далѣе, для тебя все открыто. А вмѣсто этого ты лаешь. Компрометируешь себя съ самыхъ первыхъ шаговъ... Ну сознайся, положа руку на сердце: ты ни разу не раскаивался въ этомъ?

Лотъ. Мнѣ не въ чемъ было раскаиваться, потому что я былъ осужденъ невинно.

Гофманъ. Ну, въ этомъ я не судья.

Лотъ. Изволь, суди самъ, я тебѣ все разскажу: обвинительный актъ утверждалъ, будто бы я основалъ нашъ кружокъ исключительно съ цѣлью партійной агитаціи, затѣмъ, будто я собиралъ для этого деньги. Но вѣдь ты—

то знаеть, что мы занимались исключительно мечтами о колоніяхъ, ну, а что касается денегъ, то ты самъ только-что сказалъ, что у насъ у всѣхъ были пустые карманы. Какъ видишь, въ обвиненіи не было ни слова правды, и тебѣ, какъ члену кружка, слѣдовало бы...

Гофманъ. Ну, членомъ-то я былъ больше по имени, но тебѣ, конечно, я вѣрю. Надо принять во вниманіе, что и судьи-то только люди. Во всякомъ случаѣ гораздо было бы благоразумнѣе тебѣ не показывать и виду. Въ этомъ отношеніи я вообще часто удивлялся тебѣ: редакторъ рабочей газеты, самой темненькой изъ всѣхъ уличныхъ листковъ, кандидатъ въ рейхстагъ отъ милаго простого народа! И зачѣмъ тебѣ все это?—только не придавай моимъ словамъ ложнаго смысла. Ужъ меня-то, кажется, нельзя заподозрѣть въ отсутствіи состраданія къ народу, но если что-нибудь и желательно, то должно это придти оттуда, сверху. Необходимо даже, чтобы это все совершилось сверху. Вѣдь народъ не знаетъ, что ему нужно. Вы думаете, что народъ долженъ самъ добиться этого, вотъ это-то я и называю—пробивать стѣну лбомъ.

Лотъ. Я не совсѣмъ понимаю тебя.

Гофманъ. Ну, посмотри на меня. Руки у меня не связаны: я бы могъ тоже начать осуществлять всѣ эти идеалы. И я могу сказать, что почти уже исполнилъ свою практическую программу. Но вы... безъ средствъ, чего же вы можете достигнуть?

Лотъ. Да, какъ слышно... къ милліонамъ плывешь...

Гофманъ (польщенный). Много чести! Еще рано немного. Кто же говоритъ это? Каждый дѣлаетъ свое дѣло. И соразмѣрно получаетъ вознагражденіе... Кто же говоритъ это?

Лотъ. Я слышалъ въ гостиницѣ; два господина за сосѣднимъ столомъ говорили.

Гофманъ. О, у меня есть враги. Что же они говорили?

Лотъ. Ничего особеннаго. Отъ нихъ я узналъ, что ты какъ разъ во-время переѣхалъ въ деревню къ своему тестю.

Гофманъ. И чего только ни придумаютъ эти люди! Дорогой другъ, ты просто не повѣришь, какъ тутъ слѣдятъ шагъ за шагомъ за человѣкомъ въ моемъ положеніи. Это самая невыгодная сторона богатства... А дѣло все въ томъ, что я здѣсь покойнѣе, да и воздухъ здоровѣе, а это необходимо для моей беременной жены.

Лотъ. Но какъ же относительно доктора? Вѣдь въ

такихъ случаяхъ близость хорошаго врача важнѣй всего. А здѣсь въ деревнѣ...

Гофманъ. Въ томъ-то все и дѣло, что врачъ здѣсь очень хорошій, и, знаешь, я пришелъ къ тому заключенію, что добросовѣстность во врачѣ гораздо важнѣе способностей.

Лотъ. У врачей она, можетъ-быть, идетъ рядомъ со способностями.

Гофманъ. Очень возможно. Добросовѣстность, во всякомъ случаѣ, у нашего врача есть. Онъ немного идеологъ, онъ пользуется большой любовью среди углекоповъ и крестьянъ, они его прямо боготворятъ... Временами онъ бываетъ невыносимъ смѣсью своей суровости и сентиментальности, но я, ты знаешь, умѣю цѣнить добросовѣстность... Безусловно!.. Да, пока не забылъ... мнѣ очень интересно, да и важно знать, кого слѣдуетъ остерегаться. Послушай... Ну, скажи... я по твоему лицу вижу, что эти два господина, твои сосѣди по столу, не совсѣмъ лестно говорили обо мнѣ. Пожалуйста, скажи, что̀ они говорили...

Лотъ. По правдѣ сказать, мнѣ не слѣдовало бы это дѣлать, потому что я хотѣлъ попросить у тебя двѣсти марокъ, именно попросить, такъ какъ я не знаю, буду ли я въ состояніи возвратить тебѣ ихъ когда-нибудь...

Гофманъ (вынимаетъ изъ бокового кармана чековую книжку, пишетъ чекъ и передаетъ его Лоту). Въ любомъ отдѣленіи государственнаго банка... Я только искренно радъ...

Лотъ. Твоя готовность превзошла всѣ мои ожиданія,— принимаю съ благодарностью. Будь увѣренъ, что деньги эти будутъ истрачены съ пользой.

Гофманъ (съ легкимъ паѳосомъ). Каждый работникъ заслуживаетъ награды. Ну, а теперь, Лотъ, будь добръ и разскажи, что̀ говорили эти господа...

Лотъ. Говорили они, безъ сомнѣнія, ерунду.

Гофманъ. Все-таки разскажи. Ну, мнѣ это прямо интересно, только интересно и больше ничего.

Лотъ. Рѣчь шла о томъ, что ты вытѣснилъ какого-то подрядчика Мюллера.

Гофманъ. Ну, конечно! Про эту исторію!

Лотъ. Кажется, этотъ господинъ былъ женихомъ твоей теперешней жены?

Гофманъ. Совершенно вѣрно. Ну, а дальше?

Лотъ. Я разскажу тебѣ все, что̀ я слышалъ. Думаю, что тебѣ важно знать всю эту клевету.

Гофманъ. Конечно! Ну?

Лотъ. Насколько я понялъ изъ слышаннаго, Мюллеръ предпринялъ постройку участка здѣшней горной дороги.

Гофманъ. Да. Съ какими-то десятью тысячами талеровъ въ карманѣ. Ну, а когда увидалъ, что ему этихъ денегъ не хватитъ, то рѣшилъ выловить себѣ поскорѣе невѣсту изъ виндорфскихъ дѣвушекъ, и намѣтилъ мою теперешнюю жену.

Лотъ. Они говорили, что онъ дѣйствительно хотѣлъ такъ поступить съ дочерью, а ты поступилъ такъ со старикомъ... Вѣдь онъ застрѣлился, кажется, потомъ? Затѣмъ, будто бы ты достроилъ его дорогу и при этомъ немало заработалъ.

Гофманъ. Доля правды въ этомъ есть. Но мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты зналъ связь между этими фактами... Не знаютъ ли они еще какихъ-нибудь интересныхъ фактовъ?

Лотъ. И, знаешь, въ особенности они были раздражены однимъ обстоятельствомъ: они подробно разсказывали про твое огромное предпріятіе съ углемъ и называли тебя... ну, названіе не лестное. Короче говоря, они разсказывали, что ты за бутылкой шампанскаго убѣдилъ здѣшнихъ глупыхъ крестьянъ заключить договоръ, по которому ты одинъ за ничтожную сумму получаешь весь добываемый въ ихъ копяхъ уголь.

Гофманъ (всталъ, видимо затронутый за живое). Вотъ что я скажу тебѣ, Лотъ... Э, да къ чему это затрогивать! Лучше подумаемъ объ ужинѣ, я чертовски голоденъ. Чертовски голоденъ! (Надавливаетъ кнопку электрическаго звонка, проволока котораго, въ видѣ зеленаго шнурка, свѣшивается надъ столомъ; слышится звонокъ).

Лотъ. Если ты хочешь, чтобы я остался, будь такъ добръ... я хотѣлъ бы немного привести себя въ порядокъ.

Гофманъ. Сію минуту... (Входитъ Эдуардъ, лакей въ ливреѣ). Эдуардъ, отведите барина въ комнату для пріѣзжихъ.

Эдуардъ. Слушаю-съ.

Гофманъ (пожимая руку Лота). Минутъ черезъ пятнадцать приходи внизъ кушать.

Лотъ. Хорошо. До свиданія.

Гофманъ. До свиданія. (Эдуардъ отворяетъ дверь и пропускаетъ Лота. Оба уходятъ. Гофманъ чешетъ себѣ затылокъ, смотритъ задумчиво въ полъ, идетъ къ двери налѣво, берется за ручку; въ это время входитъ Елена въ стеклянную дверь и обращается къ нему).

Елена. Зять, это кто такой?

Гофманъ. Одинъ изъ моихъ товарищей по гимназіи, даже самый старшій изъ нихъ, Альфредъ Лотъ.

Елена (быстро). Онъ совсѣмъ ушелъ?

Гофманъ. Нѣтъ, онъ будетъ у насъ ужинать. А возможно, очень возможно, что и переночуетъ.

Елена. Я ни за что не выйду къ ужину.

Гофманъ. Почему?

Елена. Что мнѣ дѣлать съ образованными людьми? Лучше ужъ останусь преспокойно крестьянкой.

Гофманъ. Вѣчно эти фокусы! Нѣтъ, сдѣлай одолженіе, похлопочи объ ужинѣ. Я хочу устроить немного по-праздничному. Я подозрѣваю, что онъ что-то затѣваетъ.

Елена. Что же онъ можетъ затѣвать, думаешь ты?

Гофманъ. Ну, тебѣ этого не понять. Можетъ-быть, я и ошибаюсь, до сихъ поръ мнѣ не приходилось думать объ этомъ. Во всякомъ случаѣ приготовь все какъ слѣдуетъ. Конечно, шампанскаго. Что, изъ Гамбурга прислали омаровъ?

Елена. Кажется, сегодня утромъ прислали.

Гофманъ. Значитъ, омары будутъ... (Стукъ въ дверь). Войдите.

Посыльный (входитъ съ ящикомъ подъ мышкой, говоритъ нараспѣвъ). Посылка.

Елена. Откуда?

Посыльный. Изъ Берлина.

Гофманъ. Ну да, это дѣтскія вещи изъ магазина Герцога. (Осматриваетъ посылку и беретъ квитанцію). Да, да, конечно, отъ Герцога.

Елена. Цѣлый ящикъ! Куда же это столько?

Гофманъ (даетъ на чай посыльному).

Посыльный (нараспѣвъ). Добрый вечеръ. (Уходитъ).

Гофманъ. Какъ куда?

Елена. Да вѣдь здѣсь хватитъ на троихъ дѣтей.

Гофманъ. Ты не ходила съ женой гулять?

Елена. Что же я подѣлаю, если она сейчасъ же устаетъ?

Гофманъ. Вѣчно устаетъ. Просто несчастіе! Полтора часа... надо же слушаться доктора! Для чего же звать его, если...

Елена. А ты возьмись за это какъ слѣдуетъ и выгони эту Шпиллеръ. Ну что я могу сдѣлать со старой бабой, которая вѣчно ей поддакиваетъ.

Гофманъ. Ну, а я что могу подѣлать? Что же я сдѣлаю, какъ мужъ?.. да и кромѣ того ты знаешь тещу.

Елена (горько). И даже слишкомъ хорошо.

Гофманъ. Гдѣ она сейчасъ?

Елена. Съ тѣхъ поръ, какъ г-нъ Лотъ здѣсь, эта Шпил-

леръ не дастъ ей покою. Къ ужину она, навѣрно, колесомъ заходитъ.

Гофманъ (углубившись въ свои мысли, ходитъ по комнатѣ) Клянусь, послѣдній разъ переношу я все это. Честное слово.

Елена. Тебѣ-то хорошо,—ты можешь идти, куда хочешь.

Гофманъ. Если бы я жилъ здѣсь всегда, при мнѣ не могло бы быть такого безобразія.

Елена. Въ этомъ я не виновата. Я ей водки не давала. Вотъ ты г-жу Шпиллеръ лучше выгони. Если бы я была мужчиной!..

Гофманъ (со вздохомъ). Поскорѣй бы все это прошло! (Идетъ къ двери направо). Итакъ, Елена, пожалуйста, постарайся для меня, чтобы ужинъ былъ повкуснѣе. А мнѣ надо еще одно дѣльце окончить.

Елена (звонитъ. Входитъ Миля). Миля, накройте столъ. Эдуарду велите заморозить шампанское и открыть четыре дюжины устрицъ.

Миля. Ужъ вы сами ему скажите, онъ меня не слушается, онъ говоритъ, что получаетъ жалованье отъ г-на инженера и...

Елена. Пошлите его ко мнѣ.

(Миля уходитъ. Елена подходитъ къ зеркалу, прибираетъ на туалетѣ. Въ это время входитъ Эдуардъ).

Елена (продолжаетъ стоять передъ зеркаломъ). Эдуардъ, заморозьте шампанское и откройте устрицы. Г-нъ Гофманъ приказалъ это сдѣлать.

Эдуардъ. Слушаю-съ!

(Эдуардъ уходитъ. Тотчасъ же раздается стукъ въ среднюю дверь).

Елена (испуганно). Боже мой! (Тихо) Войдите. (Громче и храбрѣе) Войдите!

Лотъ (входитъ). Ахъ, простите, ради Бога! я помѣшалъ?.. Мое имя—Лотъ.

Елена (присѣдаетъ, какъ на урокѣ танцевъ).

Голосъ Гофмана (за запертой дверью). Безъ церемоній, дѣти... Я сейчасъ выйду. Лотъ! это моя свояченица, Елена Краузе. Елена, а это мой другъ—Альфредъ Лотъ. Будьте знакомы!

Елена. Всегда ты дуришь.

Лотъ. Я на него не обижаюсь. Что̀ касается хорошаго тона, то я самъ—настоящій варваръ. Можетъ-быть, я помѣшалъ вамъ, такъ я...

Елена. Нѣтъ, нѣтъ, нисколько! (Оба смущены). Это...

это очень много съ вашей стороны, что вы разыскали моего зятя, онъ всегда жалуется... жалуется, что всѣ его товарищи забыли его.

Лотъ. Это вышло совершенно случайно. Я все время жилъ въ Берлинѣ и въ его окрестностяхъ и не имѣлъ понятія, гдѣ Гофманъ. Со времени моего студенчества въ Бреславлѣ я не былъ въ Силезіи.

Елена. Значитъ, вы совершенно случайно попали къ нему?

Лотъ. Совершенно случайно разыскалъ его, и какъ разъ тамъ, гдѣ я думалъ работать.

Елена. Вы шутите! Въ Виндорфѣ—научныя занятія, въ этомъ жалкомъ гнѣздѣ!

Лотъ. Вы называете его жалкимъ? Но вѣдь здѣсь необычайныя богатства.

Елена. Да, правда. Относительно...

Лотъ. Я только и дѣлалъ, что удивлялся. Увѣряю васъ, что такихъ крестьянскихъ усадебъ рѣшительно нигдѣ нѣтъ. Богатство здѣсь видно во всемъ.

Елена. Вы совершенно правы! Въ рѣдкой конюшнѣ лошади и коровы ѣдятъ не изъ мраморныхъ яслей и нейзильберныхъ рѣшетокъ. И все это сдѣлалъ уголь, найденный въ нашихъ поляхъ. Онъ моментально обогатилъ здѣшнихъ крестьянъ. (Показываетъ на картину на задней стѣнѣ) Посмотрите,—мой дѣдъ былъ извозчикомъ; это имѣньице принадлежало ему, но тогда земля не давала ничего, и ему пришлось заняться извозомъ. Вотъ это онъ самъ—въ синей блузѣ. Мой отецъ въ молодости тоже носилъ такой костюмъ... Нѣтъ, я не въ этомъ смыслѣ сказала: «жалкій», а потому, что здѣсь скука. Для ума здѣсь пищи нѣтъ. Смертельная скука.

(Миля и Эдуардъ то входятъ, то выходятъ, накрывая столъ справа въ задней части сцены).

Лотъ. Бываютъ же здѣсь вечера?

Елена. Вообразите, даже и этого нѣтъ. Крестьяне пьютъ, играютъ въ карты, охотятся. Тутъ никого не видишь. (Подходитъ къ окну и показываетъ рукой) Вотъ развѣ такія картины.

Лотъ. Гм! Углекопы...

Елена. Да, углекопы, которые идутъ изъ дому въ шахты или изъ шахтъ домой, и такъ все время. По крайней мѣрѣ я вижу только углекоповъ. Вы думаете, что мнѣ можно одной выйти изъ дому? Самое большое—это въ поле, черезъ заднія ворота. Вѣдь это такой сбродъ! Вѣчно вытаращатъ на васъ

глаза, да и смотрятъ-то такъ угрюмо, какъ будто вы совершили какое-то преступленіе... Зимой, если ѣдешь въ саняхъ и встрѣтишь въ горахъ, въ темнотѣ, въ мятель толпу этихъ углекоповъ, вы думаете, они посторонятся? Ни за что! Они нарочно пойдутъ передъ лошадьми. Сколько разъ приходилось браться за кнутъ. Иначе не проѣдешь. Но зато какъ они ругаются потомъ вслѣдъ! Мнѣ часто страшно становилось.

Лотъ. А знаете, я пріѣхалъ сюда какъ разъ для этихъ людей, которыхъ вы такъ боитесь.

Елена. Ну, что̀ вы говорите?

Лотъ. Совершенно серьезно. Они меня больше всего и всѣхъ интересуютъ.

Елена. Больше всѣхъ, безъ всякихъ исключеній?

Лотъ. Да.

Елена. Даже не исключая моего зятя?

Лотъ. Даже не исключая и его. Интересъ этотъ совершенно другой... болѣе высокій... простите, но вы этого не поймете.

Елена. Почему? Я васъ вполнѣ понимаю. (Роняетъ изъ кармана письмо. Лотъ нагибается). Оставьте — это не важно. Самая обыкновенная школьная переписка.

Лотъ. Вы были въ школѣ?

Елена. Да, въ Гернгутѣ. Вы не думайте, что я... Нѣтъ, нѣтъ, я понимаю васъ.

Лотъ. Видите ли, рабочіе меня интересуютъ именно какъ рабочіе.

Елена. Да, да, конечно, интересно... очень... такой углекопъ... Вѣдь есть мѣста, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Но если каждый день ихъ видѣть...

Лотъ. Даже если ихъ видѣть и каждый день. Ихъ даже необходимо видѣть каждый день, чтобы найти въ нихъ интересное.

Елена. Это такъ трудно найти? Что̀ же это собственно?.. Ну, въ чемъ же заключается это интересное?

Лотъ. Очень интересно, напримѣръ, почему эти люди, по вашимъ словамъ, смотрятъ на васъ всегда съ такой ненавистью и угрюмо.

Елена. Почему же вы думаете, что это такъ ужъ особенно интересно?

Лотъ. Да потому, что это явленіе вовсе не обычное. Мы же всѣ бываемъ такими только временами, а не всегда.

Елена. Да; но почему же они такъ смотрятъ... съ такой

ненавистью и такъ угрюмо? Должно же быть для этого какое-нибудь основаніе.

Лотъ. Совершенно справедливо. Вотъ это-то основаніе и интересно узнать.

Елена. Нѣтъ. Вы что-то сочиняете. Ну что вамъ отъ того, если вы даже узнаете?

Лотъ. Можетъ-быть, можно найти причину, почему эти люди выглядятъ такими несчастными и угрюмыми, и устранить. Можно тогда ихъ сдѣлать и счастливыми.

Елена (немного смущенно). По правдѣ сказать... я только теперь поняла васъ немного... все это для меня такъ ново, такъ ново.

Гофманъ (входитъ изъ двери направо. Держитъ въ рукѣ нѣсколько писемъ). Ну вотъ и я. Эдуардъ! Эти письма отправить на почту, только до восьми часовъ. (Отдаетъ письма лакею. Лакей уходитъ). Ну, дѣти, теперь можно поужинать. Здѣсь непозволительная жара. Сентябрь, и такая жара! (Вынимаетъ шампанское изъ вазы со льдомъ). Вдова Клико! Эдуардъ знаетъ мою слабость. (Къ Лоту) Вы о чемъ-то такъ горячо спорили. (Подходитъ къ накрытому и уставленному закусками столу. Потираетъ руки). Да! выглядитъ аппетитно. (Смотритъ лукаво на Лота) А? ты какъ думаешь?.. Да, Елена! къ намъ придетъ Вильгельмъ Кааль. Онъ былъ сейчасъ на дворѣ.

Елена (дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ).

Гофманъ. Дорогая моя, какъ будто я его... но что же я могу сдѣлать? (Слышны тяжелые шаги за дверью). Вѣдь я же его не звалъ.

(Кааль входитъ, не постучавшись. Ему двадцать четыре года. Неуклюжій деревенскій парень. Повидимому, ему страшно хочется изобразить богатаго и ловкаго молодого человѣка. Черты лица грубыя. Выраженіе лица глупое. Одѣтъ въ зеленый жакетъ, пеструю бархатную жилетку, темныя брюки и лаковые башмаки. Жакетъ съ пуговицами изъ оленьяго рога, по часовой цѣпочкѣ оленьи зубы. Заикается).

Кааль. Добрый вечеръ! (Увидалъ Лота, смутился. У него очень жалкій видъ).

Гофманъ (подходитъ къ нему и ободряетъ его). Добрый вечеръ, г-нъ Кааль.

Елена (сердито). Добрый вечеръ.

Кааль (идетъ, тяжело ступая, наискось черезъ всю комнату, подходитъ къ Еленѣ и протягиваетъ ей руку). Добрый вечеръ, Лена.

Гофманъ (къ Лоту). Позволь тебѣ представить: г-нъ Кааль, сынъ нашего сосѣда.

Кааль (вертитъ шляпу въ рукѣ, смущенъ).

Гофманъ. За столъ, дѣти! Кого еще нѣтъ? Да, тещи!

Миля! попросите г-жу Краузе къ столу. (Миля уходитъ въ среднюю дверь).

Миля (за сценой въ сѣняхъ, кричитъ). Барыня! Барыня! Идите ѣсть! Идите ѣсть!

Елена и Гофманъ (смотрятъ другъ на друга и отъ души смѣются. Затѣмъ оба вмѣстѣ смотрятъ на Лота).

Гофманъ (обращаясь къ Лоту). Что̀ городъ, то̀ норовъ,— что̀ деревня, то̀ обычай.

Г-жа Краузе (входитъ, разодѣтая въ пухъ и прахъ, въ шелкахъ и въ драгоцѣнностяхъ. Тщеславіе, глупая надменность, безсмысленное чванство въ манерахъ).

Гофманъ. А-а! вотъ и мама! Позволь тебѣ представить моего друга, д-ра Лота.

Г-жа Краузе (дѣлаетъ невѣроятный книксенъ). Очень рада. (Послѣ паузы) Ужъ вы не сердитесь на меня, г-нъ докторъ! Не взыщите ужъ (чѣмъ дальше, тѣмъ говоритъ быстрѣе) за мое давешнее обращеніе съ вами. Знаете, прямо голова идетъ кругомъ отъ этой массы нищихъ... Ну просто бѣда съ ними! Вы себѣ представить не можете... Да къ тому же они и воры всѣ. Конечно, дѣло не въ пфеннигѣ. Можно и три пфеннига дать, въ крайнемъ случаѣ, и талеръ даже, мы этого не считаемъ. Вотъ Людвига Краузе—ну, эта скупа, такъ скупа! Всякой дряни завидуетъ: мужъ-то у нея, вы знаете, отъ злости умеръ, отъ досады, что проигралъ въ карты двѣ тысячи талеровъ. Нѣтъ, мы не такіе. Вотъ посмотрите на буфетъ—вѣдь стоитъ онъ двѣсти талеровъ безъ пересылки. Такой буфетъ не стыдно и барону Клинкову поставить у себя.

(Г-жа Шпиллеръ вошла вскорѣ послѣ г-жи Краузе. Маленькаго роста, кривобока и разодѣта въ старыя платья г-жи Краузе. Все время, пока говоритъ г-жа Краузе, она благоговѣйно смотритъ на нее. Ей на видъ лѣтъ пятьдесятъ пять; при выдыханіи она издаетъ легкій стонъ, который слышенъ и въ то время, когда она говоритъ, въ видѣ буквы «м»).

Г-жа Шпиллеръ (говоритъ тихо, покорнымъ, грустнымъ тономъ). У барона Клинкова точь-въ-точь такой же буфетъ... мммм...

Елена (къ г-жѣ Краузе). Мама, не сѣсть ли намъ раньше закусить, а потомъ...

Г-жа Краузе (моментально поворачивается къ Еленѣ и пронзаетъ ее уничтожающимъ взглядомъ. Коротко и повелительно). Развѣ это прилично! (Собираясь садиться за столъ, вспоминаетъ, что не прочтена предобѣденная молитва. Механически складываетъ руки къ молитвѣ, но сама еще сердится).

Г-жа Шпиллеръ (читаетъ молитву). Сойди съ небесной,

Боже, высоты. Благослови, что даровалъ намъ Ты. Аминь.

(Всѣ съ шумомъ садятся. Неловкое положеніе понемногу сглаживается. Нѣкоторое время всѣ другъ друга усиленно угощаютъ).

Гофманъ (Лоту). Не стѣсняйся, пожалуйста. Устрицъ хочешь?

Лотъ. Да, хочу попробовать. Первый разъ въ жизни буду ихъ ѣсть.

Г-жа Краузе (только-что взявъ устрицу, съ полнымъ ртомъ). То-есть въ этомъ году?

Лотъ. Нѣтъ, вообще.

(Г-жа Краузе и г-жа Шпиллеръ обмѣниваются взглядами).

Гофманъ (обращаясь къ Каалю, выжимающему зубами лимонъ). Я васъ цѣлыхъ два дня не видалъ, г-нъ Кааль. Ну что, удачно охотились за мышами это время?

Кааль. Н...н...н...нѣтъ.

Гофманъ (Лоту). Г-нъ Кааль страстный охотникъ.

Кааль (заикаясь). Эти мыши ужасно глупыя животныя.

Елена (громко засмѣявшись). Нѣтъ, вы знаете, онъ убиваетъ всѣхъ—и дикихъ и домашнихъ животныхъ.

Кааль (заикаясь). Вчера я наконецъ застрѣлилъ старую свинью.

Лотъ. Повидимому, охота—ваше главное занятіе?

Г-жа Краузе. Г-нъ Кааль занимается этимъ для своего собственнаго удовольствія.

Г-жа Шпиллеръ. Лѣсъ, дичь и женщины—какъ говорилъ его превосходительство министръ фонъ-Шадендорфъ.

Кааль (заикаясь). Послѣзавтра у насъ будутъ сàдки голубей.

Лотъ. А что это такое, сàдки голубей?

Елена. Ахъ, я это видѣть не могу равнодушно. Звѣрская забава. Даже уличные мальчишки, которые съ наслажденіемъ окна бьютъ, даже и они этого не позволяютъ себѣ.

Гофманъ. Ну, Елена, ты ужъ слишкомъ строга.

Елена. Не знаю, но, по-моему, ужъ гораздо лучше бить стекла, чѣмъ стрѣлять въ привязанныхъ къ колу голубей.

Гофманъ. Но надо помнить, Елена...

Лотъ (что-то разрѣзая на тарелкѣ). Возмутительное безобразіе!

Кааль (заикаясь). Нѣсколько штукъ голубей...

Г-жа Шпиллеръ (къ Лоту). Г-нъ Кааль уже убилъ двѣсти штукъ.

Лотъ. Вообще всякая охота безобразіе.

Гофманъ. Да, но неустранимое. Какъ разъ теперь мнѣ

поручено достать пятьсотъ лисицъ, и всѣ лѣсники въ окружности, да и во всей Германіи, сторожатъ лисьи норы.

Лотъ. Кому же понадобилось столько живыхъ лисицъ?

Гофманъ. Ихъ отправляютъ въ Англію, гдѣ онѣ удостаиваются быть убитыми тотчасъ же по выходѣ изъ клѣтокъ благородными лордами и лэди.

Лотъ. Скотина всегда останется скотиной, кто бы онъ ни былъ, христіанинъ или магометанинъ.

Елена. Мама, передать тебѣ омаровъ?

Г-жа Краузе. Въ этомъ сезонѣ они замѣчательно хороши.

Г-жа Шпиллеръ. Ахъ, у васъ такой тонкій вкусъ...ммм...

Г-жа Краузе (Лоту). А вы, г-нъ докторъ, и омаровъ никогда не ѣли?

Лотъ. О, нѣтъ, омаровъ мнѣ приходилось часто ѣсть въ Варнемюнде, на моей родинѣ.

Г-жа Краузе (къ Каалю). Правда, Вильгельмъ, иногда сама не знаешь, чего тебѣ хочется съѣсть?

Кааль (заикаясь). Это... Дѣйствительно... это только Богъ знаетъ, тетушка.

Эдуардъ (хочетъ налить Лоту шампанскаго). Шампанскаго.

Лотъ (отстраняетъ свой бокалъ). Нѣтъ, спасибо.

Гофманъ. Ну, безъ глупостей!

Елена. Вы не пьете?

Лотъ. Нѣтъ.

Гофманъ. Ну, послушай, вѣдь это наконецъ скучно.

Лотъ. Если бы я пилъ, я былъ бы еще скучнѣе.

Елена. Это интересно, докторъ.

Лотъ. Что̀? Что я дѣлаюсь скучнѣе, когда выпью?

Елена (немного въ смущеніи). Нѣтъ, нѣтъ, что... что вы не пьете... то-есть, я хотѣла сказать, интересно, что вы вообще не пьете.

Лотъ. Почему же интересно?

Елена (покраснѣвъ). Это... это необыкновенно. (Окончательно краснѣетъ и смущается).

Лотъ (неловко). Вы, къ сожалѣнію, правы.

Г-жа Краузе (Лоту). Бутылка стоитъ пятнадцать марокъ. Можете смѣло пить,—прямо изъ Реймса. Дурного вина мы бы не предложили вамъ, потому что сами его не пьемъ.

Г-жа Шпиллеръ. Ахъ, повѣрьте мнѣ, г-нъ докторъ, если бы даже его превосходительство г-нъ министръ фонъ-Шадендорфъ... ммм... сидѣлъ бы за этимъ столомъ...

Кааль. Я не могу жить безъ вина.

Елена (Лоту). Скажите, почему вы собственно не пьете?

Лотъ. Съ удовольствіемъ...

Гофманъ. Э, что тамъ. (Беретъ у лакея бутылку и хочетъ самъ налить ему вина). Вспомнимъ-ка, старый товарищъ, какъ мы раньше весело проводили время.

Лотъ. Нѣтъ, оставь, прошу тебя.

Гофманъ. Ну, сегодня. Одинъ разъ.

Лотъ. Ни за что.

Гофманъ. Ну, для меня! (Гофманъ хочетъ налить, Лотъ отстраняетъ бутылку; небольшая борьба).

Лотъ. Нѣтъ, нѣтъ, я же сказалъ... нѣтъ и нѣтъ!

Гофманъ. Только не сердись.

Кааль (къ г-жѣ Шпиллеръ). Не хочетъ, и не надо...

Г-жа Шпиллеръ (киваетъ утвердительно).

Гофманъ. Ну, воля твоя, только не могу понять: ни стакана вина за ужиномъ...

Лотъ. Стаканъ пива за завтракомъ.

Гофманъ. А то какъ же! Стаканъ пива даже полезно.

Лотъ. Рюмочку-другую коньяку.

Гофманъ. Неужели ужъ этого нельзя? Аскетомъ-то меня не сдѣлаешь. Зачѣмъ я самъ себя буду лишать всѣхъ удовольствій въ жизни?

Лотъ. Ну, я съ этимъ не согласенъ. По-моему, и такъ достаточно неизбѣжныхъ раздражающихъ моментовъ для нервной системы.

Гофманъ. Общество, въ которомъ ничего не пьютъ... это такъ пусто и скучно; спасибо за такую компанію!

Г-жа Краузе. Дворяне всегда много пьютъ.

Г-жа Шпиллеръ (подтверждаетъ ея слова кивкомъ головы). Пить вино—благородно.

Лотъ (къ Гофману). Для меня какъ разъ наоборотъ,—мнѣ скучно въ обществѣ, гдѣ много пьютъ.

Гофманъ. Само собой, все хорошо въ мѣру.

Лотъ. Ну, а что ты называешь въ мѣру?

Гофманъ. Ну... конечно, чтобы не терять разсудка.

Лотъ. А-а-а... Значитъ, ты все-таки согласенъ, что злоупотребленіе алкоголемъ вредитъ разсудку. Вотъ видишь, потому-то мнѣ и скучно въ пьяной компаніи.

Гофманъ. Развѣ ты боишься такъ скоро лишиться разсудка?

Кааль (заикаясь). Я недавно выпилъ бутылку рюдесхеймера, бутылку шампанскаго, затѣмъ бутылку бордо. и все-таки не былъ пьянъ.

Лотъ (Гофману). Ничуть не боюсь; ты, вѣроятно, помнишь

вѣдь, что всегда я развозилъ всѣхъ васъ, пьяныхъ, по домамъ. Натура у меня осталась здоровая, какъ и была, такъ что бояться въ этомъ отношеніи мнѣ не приходится.

Гофманъ. Тогда почему же?

Елена. Въ самомъ дѣлѣ, почему же вы въ концѣ концовъ не пьете?

Лотъ (Гофману). Ну, изволь; успокойся, я потому сегодня ничего не пью, что далъ слово избѣгать спиртныхъ напитковъ.

Гофманъ. Иначе говоря, ты дошелъ до того, что поступилъ въ общество трезвости?

Лотъ. Да, я полнѣйшій трезвенникъ.

Гофманъ. Долго ли ты будешь заниматься такими, съ позволенія сказать...

Лотъ. Всю жизнь.

Гофманъ (бросаетъ ножъ и вилку и встаетъ со стула). Фу, ты настоящій мѣшокъ съ соломой! (Садится). Прости, но, откровенно говоря, это черезчуръ наивно.

Лотъ. Можешь называть это, какъ тебѣ угодно.

Гофманъ. Но какимъ путемъ ты дошелъ до этого?

Елена. Для этого у васъ была, вѣроятно, вѣская причина.

Лотъ. Да, конечно. И ты, Гофманъ, повидимому, не знаешь, какую громадную роль играетъ алкоголь въ нашей жизни? Если ты хочешь имѣть понятіе объ этомъ, прочти Бунге. Я помню, что̀ сказалъ знаменитый Эвереттъ о значеніи алкоголя для Соединенныхъ Штатовъ. Эти изслѣдованія касаются десятилѣтняго періода. По его мнѣнію, алкоголь поглотилъ сумму въ 3 милліарда и 600 милліоновъ долларовъ. Онъ отправилъ на тотъ свѣтъ 300.000 взрослыхъ; 100.000 дѣтей попали изъ-за него въ нищіе, нѣсколько тысячъ попало въ тюрьмы и въ работные дома. Онъ былъ причиной по крайней мѣрѣ 2.000 самоубійствъ. Онъ причинилъ убытку, самое меньшее, на 10 милліоновъ долларовъ путемъ пожаровъ и грабежей; изъ-за него 2.000 женщинъ овдовѣли и не менѣе милліона дѣтей осиротѣли. Но что̀ самое ужасное, это то, что влеченіе къ алкоголю простирается до третьяго и четвертаго поколѣнія. Если бы я далъ себѣ слово не жениться, то я могъ бы пить, но такъ какъ я... Всѣ мои предки были люди здоровые и крѣпкіе и, насколько я знаю, воздержные люди. Каждое мое движеніе, каждый трудъ, который я преодолѣю, каждое мое дыханіе, — все мнѣ говоритъ, какъ я долженъ быть имъ благодаренъ. И вотъ во мнѣ окрѣпло безповоротное рѣшеніе

передать моему потомству это наслѣдство совершенно неиспорченнымъ.

Г-жа Краузе. А вѣдь правда, зять, наши углекопы черезчуръ пьянствуютъ, это что и говорить!

Кааль. Они пьютъ, какъ свиньи.

Елена. Значитъ, это наслѣдственное?

Лотъ. Есть цѣлыя семьи алкоголиковъ, которыя погибаютъ отъ этого.

Кааль (не то г-жѣ Краузе, не то Еленѣ). Вашъ старикъ тоже совсѣмъ съ ума сходитъ.

Елена (блѣдная, какъ полотно, рѣзко). Не говорите глупостей!

Г-жа Краузе. Какія гордыя дѣвки пошли! Скажите, принцесса какая! Такъ обращаться съ будущимъ мужемъ! (Къ Лоту, показывая на Кааля). Вѣдь онъ, надо вамъ сказать, ея будущій мужъ, г-нъ докторъ. Ужъ у насъ все устроено.

Елена (вскакивая). Перестать! Или... перестань, мама, или...

Г-жа Краузе. Вотъ, извольте-ка послушать... Ну, скажите, г-нъ докторъ, вотъ и это тоже отъ образованія? Я съ ней, видитъ Богъ, какъ со своимъ ребенкомъ обращаюсь, а она меня за дуру сумасшедшую считаетъ.

Гофманъ (успокаивая). Ахъ, мама, ради Бога, сдѣлай одолженіе...

Г-жа Краузе. Ну нѣтъ, какова птица? Ну гдѣ же здѣсь справедливость... дрянь ты этакая!

Гофманъ. Мама, прошу тебя наконецъ...

Г-жа Краузе (свирѣпо). Тоже бабы! Присмотрѣть за прислугой въ хозяйствѣ, это избави Богъ! А вотъ разные Шиллеры да Гёте и другіе дураки, которые только и умѣютъ, что врать,—вотъ эти ихъ съ ума сводятъ. Просто заболѣешь съ ней отъ злости!

Гофманъ (успокаивая). Ну... она просто... Ну, это, пожалуй, было не совсѣмъ правильно съ ея стороны... (Дѣлаетъ знаки Еленѣ, которая въ возбужденіи отошла въ сторону. Дѣвушка съ трудомъ сдерживаетъ слезы и садится на прежнее мѣсто).

Гофманъ (прерываетъ мучительное молчаніе, къ Лоту). Да... на чемъ мы остановились? Ахъ, правда... на злополучномъ алкоголѣ. (Поднимаетъ стаканъ). Ну, мама, миръ! Давай-ка чокнемся и помиримся. Пусть алкоголь помиритъ насъ, доставимъ ему эту честь. (Г-жа Краузе не совсѣмъ охотно, но чокается. Гофманъ, обращаясь къ Еленѣ) Елена! Твой бокалъ пустъ? Лотъ, твой урокъ не пропалъ даромъ.

Елена. Нѣтъ, нѣтъ, я...

Гофманъ. Ты до сихъ поръ не была такой нѣженкой.

Елена (твердо). Я просто сегодня не хочу пить...

Гофманъ. Прости, ради Бога, прости... Да, о чемъ мы говорили?

Лотъ. Мы говорили, что есть цѣлыя семьи алкоголиковъ.

Гофманъ. Совершенно вѣрно, но... (Замѣчаетъ, что г-жа Краузе все болѣе и болѣе раздражается, а Кааль съ трудомъ удерживается, чтобы не разсмѣяться надъ чѣмъ-то, что его внутренно сильно забавляетъ. Елена, со своей стороны, наблюдаетъ за нимъ и угрожающимъ взглядомъ уже нѣсколько разъ удержала его высказать то, что ему очень хотѣлось сказать. Лотъ равнодушно занятъ кожицей отъ яблока, ничего не замѣчаетъ).

Лотъ. А у васъ, кажется, на недостатокъ пожаловаться нельзя?

Гофманъ. То-есть... недостатокъ чего?

Лотъ. Ну, конечно, пьяницъ.

Гофманъ. Гм... ты думаешь? А, да, конечно, углекопы...

Лотъ. Ну, не одни же углекопы. Напримѣръ, въ гостиницѣ, гдѣ я остановился, прежде чѣмъ придти къ тебѣ, я видѣлъ, какъ развалился тамъ одинъ. (Онъ облокачивается локтями на столъ, кладетъ голову на руки и смотритъ пристально на столъ).

Гофманъ. Правда? (Его смущеніе дошло до высшей степени. Елена пристально смотритъ на Кааля, который трясется отъ внутренняго смѣха, но еще сдерживаетъ себя, чтобы не расхохотаться громко).

Лотъ. Удивительно, что ты не знаешь этого оригинала. Вѣдь гостиница здѣсь рядомъ. Мнѣ сказали, что это здѣшній богатый крестьянинъ, который буквально съ утра до ночи и съ ночи до утра пьетъ въ этой гостиницѣ. Конечно, онъ уже превратился въ какого-то звѣря. Эти заплывшіе пьяные глаза, которыми онъ уставился на меня!.. (Кааль не выдержалъ, разражается громкимъ смѣхомъ, такъ что Лотъ и Гофманъ удивленно смотрятъ на него).

Кааль (говоритъ сквозь смѣхъ). Конечно... конечно... это старикъ.

Елена (быстро, порывисто вскакиваетъ, мнетъ въ рукахъ салфетку и бросаетъ на столъ). Вы... вы... (Плюетъ) Тьфу! (Быстро уходитъ).

Кааль (прерывая смущеніе, возникшее отъ сдѣланной имъ большой глупости). Вотъ еще! Ерунда! Глупо... Я пойду своей дорогой. До свиданія. (Надѣваетъ шляпу и говоритъ, уходя и не оборачиваясь) Доброй ночи!

Г-жа Краузе (вслѣдъ ему). Я тебѣ этого не забуду, Вильгельмъ. (Складываетъ салфетку и кричитъ) Миля! (Миля входитъ). Убирай! (Про себя, но громко) Вотъ duракъ-то!

Гофманъ. Но, мама, я, сказать по правдѣ...

Г-жа Краузе. Торопись. (Встаетъ, уходитъ).

Г-жа Шиллеръ. Ахъ, у нея было столько непріятностей сегодня! Благодарю покорно. (Встаетъ, тихо молится, вскидывая глазами, и затѣмъ уходитъ).

(Миля и Эдуардъ убираютъ со стола. Гофманъ всталъ и съ зубочисткой во рту идетъ на авансцену. Лотъ за нимъ).

Гофманъ. Вотъ видишь, каковы онѣ... женщины.

Лотъ. Я ничего не понимаю.

Гофманъ. Э, да и говорить объ этомъ не стóитъ. Это и въ самыхъ аристократическихъ семьяхъ бываетъ. Надѣюсь, это не помѣшаетъ тебѣ погостить у насъ нѣсколько дней...

Лотъ. Я бы очень хотѣлъ познакомиться съ твоей женой... Отчего она не показывается?

Гофманъ (обрѣзая новую сигару). Ну, понимаешь, въ ея положеніи... Женщина вѣдь не можетъ не модничать. Пойдемъ, пройдемся по саду. Эдуардъ! Кофе въ бесѣдку!

Эдуардъ. Слушаю

(Гофманъ и Лотъ уходятъ черезъ зимній садъ. Эдуардъ уходитъ въ среднюю дверь, туда же за нимъ идетъ и Миля съ заставленнымъ посудой подносомъ. Нѣсколько времени комната остается пустой, затѣмъ появляется Елена).

Елена (разстроенная, съ заплаканными глазами, держитъ платокъ около рта. Отъ средней двери, черезъ которую она вошла, она быстро дѣлаетъ нѣсколько шаговъ влѣво и прислушивается у двери, ведущей въ комнату Гофмана). О, не уходи! (Не услышавъ здѣсь ничего, она прокрадывается къ двери зимняго сада и нѣсколько секундъ прислушивается, затаивъ дыханіе, умоляющимъ тономъ, съ сложенными соотвѣтственно руками) О, не уходи, не уходи!

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Около четырехъ часовъ утра. Окна въ трактирѣ освѣщены. Въ ворота виденъ блѣдно-сѣрый утренній свѣтъ, который въ теченіе дѣйствія окрашивается въ темно-красный, а затѣмъ такъ же постепенно переходитъ въ свѣтлый денной свѣтъ. На землѣ около воротъ сидитъ Бейбстъ (ему около шестидесяти лѣтъ) и отбиваетъ косу. При поднятіи занавѣса почти ничего не видно, кромѣ его фигуры, которая вырѣзывается на сѣромъ утреннемъ небѣ, но слышны однообразные, непрерывные, правильные удары молотка о наковальню. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ слышенъ только этотъ шумъ, затѣмъ глубокая тишина нарушается крикомъ гостей, уходящихъ изъ трактира. Трактирная дверь съ грохотомъ запирается на замокъ. Свѣтъ въ окнахъ гаснетъ. Вдали лаетъ собака, громко перекликаются пѣтухи. На дорожкѣ отъ трактира появляется темная фигура, которая зигзагами идетъ ко двору. Это крестьянинъ Краузе, который, какъ всегда, уходитъ изъ трактира послѣдній.

Крестьянинъ Краузе (натыкается на садовый заборъ, крѣпко хватается за него руками и громко бормочетъ нѣсколько въ носъ пьянымъ голосомъ, назадъ, по направленію къ трактиру). Садъ мой... трактиръ мой... (Пробормотавъ и проворчавъ нѣсколько непонятныхъ словъ, онъ выпускаетъ заборъ и врывается во дворъ, гдѣ ухватывается за рукоятку плуга). Садикъ мой... (Полунапѣвая) Пей... братецъ... ей... пей... Пей... братецъ... водка смѣлость даетъ. (Ворчитъ громче) Ну, развѣ я не красивъ? А? А дочери развѣ у меня не красивыя?

Елена (быстро выходитъ изъ дому. Видно, что она наспѣхъ накинула кое-какъ платье). Папа... милый папа... иди же. (Подхватываетъ его подъ руку, старается его поддержать и ввести въ домъ). Ну, иди же... скорѣе домой. Иди скорѣе! Ахъ!

Крестьянинъ Краузе (выпрямился, старается стоять прямо, вынимаетъ съ трудомъ и съ помощью обѣихъ рукъ изъ кармана штановъ кожаный кошелекъ, полный денегъ. На дворѣ посвѣтлѣло, и видно, что онъ 50-ти-лѣтній мужчина, одѣтый въ поношенное платье, ничѣмъ не лучше, чѣмъ самый бѣдный сельскій работникъ. Онъ безъ шапки, его сѣдые, жидкіе волосы растрепаны и не причесаны. Грязная рубашка широко распахнута до самаго живота; на единственной за-

стегнутой помочи еле держатся когда-то желтые, теперь же лоснящiеся отъ грязи, кожаные штаны, привязанные къ щиколкамъ; босыя ноги всунуты въ вышитыя ночныя туфли, вышивка которыхъ кажется еще совсѣмъ новой. На немъ нѣтъ ни жилета ни куртки, рукава рубашки не застегнуты. Доставъ кошелекъ, онъ нѣсколько разъ постукиваетъ имъ правой рукой по ладони лѣвой руки, такъ что деньги звенятъ. При этомъ смотритъ на дочь сладострастнымъ взглядомъ). Видишь деньги? И все мои! Хочешь, подарю тебѣ нѣсколько талеровъ?

Елена. Ахъ, Боже мой! (Напрасно нѣсколько разъ принимается тащить его. При одной изъ этихъ попытокъ онъ обнимаетъ ее съ неуклюжестью гориллы и дѣлаетъ нѣсколько развратныхъ жестовъ. Елена испускаетъ подавленный крикъ о помощи). Сейчасъ же пусти! Пусти! Слышишь, папа, ахъ! (Плачетъ, затѣмъ, охваченная вдругъ въ одно и то же время страхомъ, отвращенiемъ и бѣшенствомъ, кричитъ) Животное, свинья! (Толкаетъ его отъ себя. Крестьянинъ падаетъ во весь ростъ на землю. Бейбстъ подходитъ, прихрамывая, со своего мѣста изъ-подъ воротъ. Елена и Бейбстъ вмѣстѣ стараются поднять крестьянина).

Крестьянинъ Краузе (заикаясь). Хочешь, пивомъ угощу?.. Хочешь?.. (Крестьянина поднимаютъ, и онъ бросается въ домъ, увлекая ихъ за собой. Нѣсколько секундъ сцена остается пустой. Въ домѣ слышенъ шумъ, хлопанье дверей. Въ одномъ изъ оконъ появляется свѣтъ. Затѣмъ Бейбстъ снова выходитъ изъ дому. Онъ чиркаетъ о свои кожаные штаны сѣрную спичку, чтобы зажечь короткую трубочку, которую онъ почти никогда не вынимаетъ изо рта. Пока онъ этимъ занятъ, Кааль проскальзываетъ изъ двери дома. Онъ въ чулкахъ, куртка виситъ у него черезъ лѣвую руку, въ лѣвой рукѣ — ночныя туфли. Въ правой онъ держитъ шляпу, въ зубахъ воротничокъ отъ рубашки. Добравшись почти до середины двора, онъ оборачивается и видитъ смотрящаго на него Бейбста. Нѣсколько секундъ онъ стоитъ въ нерѣшительности, потомъ беретъ шляпу и воротничокъ отъ рубашки въ лѣвую руку, достаетъ что-то изъ кармана штановъ, подходитъ къ Бейбсту и даетъ ему что-то въ руку).

Кааль. Вотъ вамъ талеръ, и не болтать! (Идетъ быстро черезъ дворъ и прыгаетъ черезъ заборъ праваго сада. Уходитъ).

Бейбстъ (зажегъ новой спичкой трубку, идетъ, прихрамывая, къ воротамъ, опускается на землю и принимается за отбивку косы. Снова нѣкоторое время слышны только удары молотка и оханье старика, прерываемое короткими проклятiями, когда у него что-нибудь не ладится въ работѣ. Стало значительно свѣтлѣе).

Лотъ (выходитъ изъ двери дома, стоитъ тихо, потягивается, нѣсколько разъ глубоко вздыхаетъ). А... А... Утро-то какое! (Медленно идетъ на заднiй планъ до воротъ. Къ Бейбсту) Добраго утра. Раненько встали!

Бейбстъ (недовѣрчиво косится на него; недружелюбно). Доброе утро! (Маленькая пауза, потомъ Бейбстъ, не обращая вниманiя на присутствiе Лота, разговариваетъ какъ будто съ косой, которой онъ нѣсколько разъ сердито взмахиваетъ) У! Скотина этакая! Бу-

дешь теперь ровной? Эхъ! Чтобъ тебя чортъ побралъ! (Точитъ дальше).

Лотъ (сѣлъ между рукоятками экстирпатора). Сегодня, должно-быть, сѣнокосъ?

Бейбстъ (грубо). У кого сѣнокосъ, у кого нѣтъ.

Лотъ. Но вѣдь вы точите косу?

Бейбстъ (къ косѣ). Эхъ, дура! (Маленькая пауза).

Лотъ. Зачѣмъ же вы тогда точите косу, если сегодня не будетъ сѣнокоса?

Бейбстъ. Ну, а если скоту кормъ нуженъ, такъ по-вашему косы не нужно?

Лотъ. Ахъ, такъ вы это только для корма на одинъ день?

Бейбстъ. А то что̀ же еще?

Лотъ. И такъ каждое утро будутъ косить?

Бейбстъ. А то что-жъ? Голодать, что ли, скоту?

Лотъ. Вы должны быть ко мнѣ снисходительны. Я городской житель. Я въ сельскомъ хозяйствѣ толку не знаю.

Бейбстъ. Городской житель! Да они лучше сельскихъ хозяйство-то знаютъ.

Лотъ. Ну, ко мнѣ это не относится. Не можете ли вы мнѣ объяснить, что̀ это за машина? Ужъ нѣсколько разъ я ее видалъ, а названія...

Бейбстъ. Это на которой вы сидите-то? Это, говорятъ, экстрабаторъ.

Лотъ. Ну, конечно, экстирпаторъ. Его здѣсь тоже употребляютъ?

Бейбстъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ!.. Онъ все губитъ... онъ какъ есть все поле губитъ... Бѣдному человѣку тоже хочется имѣть клочокъ земли, да на такой землѣ никакой хлѣбъ не растетъ... да нѣтъ, онъ скорѣе всему дастъ погибнуть. Ничего не растетъ, кромѣ сорныхъ травъ, да...

Лотъ. Да, съ этимъ ничего не выручишь. Я знаю, икарійцы тоже употребляли такіе экстирпаторы, чтобы совершенно очистить обрабатываемыя земли.

Бейбстъ. А гдѣ эти и... Вы сейчасъ сказали, и...

Лотъ. Икарійцы? Въ Америкѣ.

Бейбстъ. Тамъ тоже есть такія вещи?

Лотъ. Да, конечно.

Бейбстъ. А что̀ это за народъ?

Лотъ. Икарійцы? Это не отдѣльный народъ. Это люди всѣхъ націй, соединившіеся вмѣстѣ. Они владѣютъ въ Америкѣ прекраснымъ кускомъ земли, на которомъ они сообща

хозяйничаютъ. Всю работу и весь заработокъ они дѣлятъ поровну. У нихъ нѣтъ ни одного бѣдняка.

Бейбстъ (лицо его приняло-было нѣсколько болѣе дружественное выраженіе, но при послѣднихъ словахъ Лота онъ опять сталъ смотрѣть недовѣрчиво и недружелюбно. Не обращая вниманія на Лота, онъ снова весь погружается въ работу). Ну ужъ и коса!..

Лотъ (все еще сидитъ, смотритъ сначала на старика со спокойной улыбкой, затѣмъ выглядываетъ за ворота. Черезъ ворота видны далеко тянущіяся клеверныя поля и луга; между ними извивается ручей, теченіе котораго мелькаетъ между ольхами и ивами. На горизонтѣ одна конусообразная гора. Повсюду разсѣяны жаворонки, непрерывное пѣніе которыхъ слышится и вдали и вблизи. Лотъ поднимается со словами). Пойти прогуляться, что ли? Хорошее утро! (Уходитъ въ ворота. Слышно хлопанье деревянныхъ башмаковъ. Кто-то быстро идетъ по лѣстницѣ съ чердака конюшни: это Густа).

Густа (довольно полная дѣвушка, безъ корсета; голыя руки и икры, на голыхъ ногахъ деревянные башмаки. Несетъ зажженный фонарь). Доброе утро, дядя Бейбстъ.

Бейбстъ (что-то бормочетъ).

Густа (смотритъ, защитивъ глаза рукой, за ворота вслѣдъ Лоту). Это еще кто?

Бейбстъ (раздраженно). Бѣдныхъ людей за дураковъ считаетъ, а самъ, поди, свѣтитъ, какъ огонь... (Встаетъ). Приготовь-ка телѣгу, дѣвка.

Густа (занималась мытьемъ икръ у колодца, теперь кончила и говоритъ, прежде чѣмъ уйти въ коровникъ). Сейчасъ, сейчасъ, дядя Бейбстъ.

Лотъ (возвращается и даетъ Бейбсту денегъ). Вотъ тутъ... пустяки. Деньги всегда могутъ пригодиться.

Бейбстъ (растаявъ, какъ бы превращенный, съ искреннимъ расположеніемъ). Да, да, вы правы... я тоже это думалъ много разъ. Вы, должно-быть, въ гостяхъ у зятя? (Вдругъ разговорившись) Знаете что... если вы захотите прогуляться, то идите вонъ туда... на гору. Только все лѣвѣй держите, а то направо тамъ обвалъ. Сынъ мой говоритъ, что это оттого, что плохо подпорки поставили... углекопы-то... имъ платили мало... это онъ, сынъ-то, говоритъ... совсѣмъ какъ могила. Понимаете! Такъ вы полѣвѣй берите, все полѣвѣй. Направо яма. А то вотъ въ прошломъ году шла тутъ торговка масломъ да и провалилась... а какъ тамъ глубоко, одинъ Богъ знаетъ... Такъ и не нашли... Такъ, слышите, все лѣвѣй держите. Какъ разъ и выйдете. (Раздается выстрѣлъ).

Лотъ. Кто это такъ рано стрѣляетъ?

Бейбстъ. Кому же еще? Извѣстно, этотъ поганый...

Лотъ. Кто такой?

Бейбстъ. Кааль Вильгельмъ, сынъ сосѣда Нуппера... Ну погоди-жъ. Я видѣлъ, онъ въ моемъ саду жаворонковъ стрѣлялъ.

Лотъ. Да вы хромаете?

Бейбстъ. Да, не приведи Богъ какъ... (Грозитъ кулакомъ по направленію полей) Ну погоди-жъ ты! Погоди... ты!..

Лотъ. Что у васъ съ ногой?

Бейбстъ. У меня-то?

Лотъ. Да.

Бейбстъ. Напустили на меня.

Лотъ. И больно вамъ?

Бейбстъ (схватившись за ногу). Страшно болитъ.

Лотъ. У васъ нѣтъ доктора?

Бейбстъ. Какъ вамъ сказать? Всѣ доктора ничего не понимаютъ. Всѣ. Ну, а нашъ докторъ—дѣльный человѣкъ!

Лотъ. Онъ вамъ помогъ?

Бейбстъ. Немного, можетъ, и помогъ. Онъ мнѣ и бинтовалъ ее и мазалъ... ну, а мнѣ все не легче. Но онъ... ну, однимъ словомъ, онъ жалѣетъ бѣдныхъ людей, и лѣкарства покупаетъ, и не беретъ ничего, и приходитъ во всякое время...

Лотъ. Но вѣдь вы гдѣ-нибудь ее да повредили? Вы всегда такъ хромали?

Бейбстъ. Вовсе нѣтъ.

Лотъ. Въ такомъ случаѣ я не понимаю, должна же быть причина...

Бейбстъ. Почемъ я знаю? (Снова грозитъ кулакомъ) Подожди ты! погоди съ своей стрѣльбой.

Кааль (появляется въ своемъ саду. Въ правой рукѣ держитъ ружье, лѣвая рука зажата. Кричитъ). Здравствуйте, г-нъ докторъ! (Лотъ идетъ черезъ дворъ къ нему. Между тѣмъ Густа и другая дѣвушка, Лиза, запрягли телѣгу, на которой лежатъ грабли и навозныя вилы. Онѣ выѣзжаютъ черезъ ворота въ поле мимо Бейбста, который, послѣ нѣсколькихъ гнѣвныхъ взглядовъ и гнѣвныхъ жестовъ исподтишка по адресу Кааля, вскидываетъ косу на плечо и, прихрамывая, идетъ за ними. Бейбстъ и дѣвушки уходятъ).

Лотъ (Каалю). Доброе утро!

Кааль. Показать вамъ штучку? (Протягиваетъ черезъ заборъ зажатую руку).

Лотъ. Что это у васъ тамъ?

Кааль. Отгадайте! (Открываетъ сейчасъ же руку).

Лотъ. Что?! такъ это правда... вы стрѣляете жаворонковъ! Да васъ за это за уши слѣдуетъ отодрать, безобразникъ этакій, понимаете? (Поворачивается къ нему спиной и идетъ прямо черезъ дворъ назадъ за Бейбстомъ и дѣвушками. Уходитъ).

Кааль (смотритъ пристально съ глупымъ изумленіемъ нѣсколько секундъ вслѣдъ Лоту, затѣмъ сжимаетъ исподтишка кулакъ, говоритъ). Подлецъ! (Оборачивается и исчезаетъ направо. Нѣсколько секундъ сцена остается пустой).

Елена (выходитъ изъ дома въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ и большой садовой шляпѣ. Оглядывается кругомъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ воротамъ, останавливается и заглядываетъ въ ворота. Затѣмъ медленно идетъ направо черезъ дворъ и поворачиваетъ на дорогу къ трактиру. Большія связки всевозможныхъ чаевъ висятъ для просушки черезъ заборъ; она нюхаетъ ихъ, проходя мимо. Наклоняетъ вѣтви плодовыхъ деревьевъ и разсматриваетъ низко висящія красныя яблоки. Когда она замѣчаетъ, что Лотъ отъ трактира идетъ къ ней навстрѣчу, ее охватываетъ еще большее безпокойство, такъ что она поворачиваетъ и идетъ отъ Лота назадъ во дворъ. Здѣсь она замѣчаетъ, что голубятня еще заперта, идетъ къ ней черезъ маленькую калитку плодоваго сада и старается стащить книзу веревку, которую отнесло вѣтромъ и она гдѣ-то зацѣпилась; въ это же время до нея дошелъ Лотъ и заговорилъ).

Лотъ. Здравствуйте.

Елена. Здравствуйте... Вѣтеръ занесъ веревку.

Лотъ. Позвольте, я вамъ помогу. (Входитъ также черезъ калитку, стаскиваетъ внизъ веревку и открываетъ голубятню. Голуби вылетаютъ).

Елена. Благодарю васъ.

Лотъ (снова идетъ черезъ калитку, но останавливается за заборомъ и стоитъ, опершись на него. Елена передъ заборомъ. Послѣ маленькой паузы). Вы всегда такъ рано встаете?

Елена. А я какъ разъ вамъ хотѣла задать тотъ же вопросъ.

Лотъ. Я? Нѣтъ. Со мной это всегда бываетъ, когда я ночую въ чужомъ домѣ.

Елена. Отчего же это?

Лотъ. Объ этомъ я, по правдѣ сказать, никогда еще не думалъ, да и не вижу цѣли думать.

Елена. Почему же нѣтъ?

Лотъ. По крайней мѣрѣ никакой видимой, практической цѣли.

Елена. А по-вашему все, что̀ вы думаете или дѣлаете, должно имѣть практическую цѣль?

Лотъ. Не иначе, въ противномъ случаѣ...

Елена. Вотъ этого отъ васъ я не ожидала услыхать.

Лотъ. Чего?

Елена. То же самое, вѣроятно, думала и мачеха, когда третьяго-дня отняла у меня «Вертера».

Лотъ. Дѣйствительно, книга глупая.

Елена. Не говорите этого!

Лотъ. Я еще разъ повторяю, это книга для слабыхъ людей.

Елена. Это очень можетъ быть.

Лотъ. Почему вы стали читать именно эту книгу? Развѣ она вамъ понятна?

Елена. Я надѣюсь... отчасти, конечно. Ея чтеніе такъ успокаиваетъ. (Послѣ паузы) Но если это, по-вашему, глупая книга, то, можетъ-быть, вы укажете мнѣ что-нибудь лучшее?

Лотъ. Прочтите... ну... знаете вы «Борьбу за Римъ», Дана?

Елена. Нѣтъ, но я куплю эту книгу. А она служитъ какой-нибудь практической цѣли?

Лотъ. Во всякомъ случаѣ разумной цѣли. Она описываетъ людей не такими, какіе они есть, а какими они должны быть. Она имѣетъ символическое значеніе.

Елена (съ увѣренностью). Это хорошо. (Маленькая пауза). Можетъ-быть, вы можете мнѣ сказать... въ газетахъ такъ много говорятъ о Зола и Ибсенѣ. Что̀ это, большіе поэты?

Лотъ. Это вовсе не поэты, а необходимое зло, фрейлейнъ. Я здоровый человѣкъ и требую отъ поэзіи свѣтлаго, освѣжающаго напитка. Я не больной. А Зола и Ибсенъ предлагаютъ лѣкарства.

Елена (какъ бы невольно). Значитъ, мнѣ они, можетъ-быть, будутъ полезны.

Лотъ (до сихъ поръ отчасти, теперь же совершенно погружается въ созерцаніе покрытаго росой фруктоваго сада). Какъ здѣсь хорошо! Посмотрите, какъ солнце поднимается надъ вершиной этой горы. У васъ въ саду много яблокъ... Прекрасный урожай.

Елена. И въ этомъ году три четверти всего опять раскрадутъ. Кругомъ ужъ очень много бѣдныхъ!

Лотъ. Вы не повѣрите, какъ я люблю деревню. Къ сожалѣнію, бо̀льшая часть моей пшеницы, которую я долженъ воздѣлывать, растетъ въ городѣ. Но теперь я хочу вполнѣ насладиться деревенской жизнью. Мы больше, чѣмъ кто-либо, нуждаемся въ солнцѣ и свѣжемъ воздухѣ.

Елена (вздыхая). Больше нуждаетесь, чѣмъ... Почему?

Лотъ. Потому что мы ведемъ ожесточенную борьбу, до конца которой и не доживешь.

Елена. Развѣ мы, другіе, не ведемъ такой же борьбы?

Лотъ. Нѣтъ.

Елена. Но вѣдь мы тоже боремся?

Лотъ. Конечно. Но эта борьба можетъ кончиться.

Елена. Можетъ—въ этомъ вы правы. А почему же та борьба, которую вы ведете, г-нъ Лотъ, не можетъ кончиться?

Лотъ. Ваша борьба—борьба за личное благосостояніе. И каждый, насколько это въ силахъ человѣка, можетъ его достигнуть. Моя же борьба—борьба за всеобщее счастье. Чтобы мнѣ стать счастливымъ, необходимо, чтобы сначала всѣ люди были счастливы. Мнѣ для счастья необходимо не видѣть кругомъ ни болѣзней, ни бѣдности, ни рабства, ни подлости. Я могъ бы сѣсть за столъ только послѣднимъ.

Елена (съ убѣжденіемъ). Тогда вы очень, очень хорошій человѣкъ.

Лотъ (немного смущенный). О, въ этомъ нѣтъ заслуги. Я такъ ужъ созданъ. Да и самая борьба въ надеждѣ на успѣхъ доставляетъ мнѣ громадное удовлетвореніе. И это счастье, по-моему, гораздо выше обыкновеннаго эгоистичнаго.

Елена. Да, но такихъ людей немного. Какое счастье родиться такимъ!

Лотъ. Такимъ никто не родится. Мнѣ кажется, такимъ дѣлаешься, благодаря несообразности всѣхъ нашихъ отношеній. Необходимо разъ навсегда сознать эту несообразность. А разъ ты это созналъ и страдаешь среди этихъ несообразностей, то по необходимости самъ собой сдѣлаешься такимъ, какимъ сталъ и я.

Елена. Мнѣ хочется вполнѣ васъ понять... Что вы собственно называете несообразнымъ?

Лотъ. Несообразно, напримѣръ, если работающій въ потѣ лица голодаетъ, а лѣнивый живетъ въ избыткѣ. Несообразно наказывать убійство въ мирное время и прославлять его въ военное. Несообразно презирать палача, а самимъ, какъ это дѣлаютъ всѣ солдаты, гордо разгуливать съ привязаннымъ сбоку человѣкоубійственнымъ инструментомъ—саблей или шпагой. Если бы палачъ вздумалъ прогуляться со своимъ топоромъ, то его, безъ сомнѣнія, побили бы камнями. Несообразно имѣть государственной религіей религію Христа, эту религію терпѣнія, самопожертвованія и любви, и воспитывать вмѣстѣ съ тѣмъ народъ въ духѣ кровопролитій, воспитывать для убійства такихъ же людей. И вѣдь это только единицы среди милліоновъ другихъ несообразностей. И пойти наперекоръ этимъ несообразностямъ нелегко. Чѣмъ раньше начнешь, тѣмъ лучше.

Елена. Какъ вы пришли къ этому? Все это такъ просто, а никому это и въ голову не приходитъ.

Лотъ. Мнѣ было нетрудно додуматься до этого благодаря ходу моего развитія, разговорамъ съ друзьями, чтенію

и собственнымъ мыслямъ. Первую несообразность я понялъ еще маленькимъ мальчикомъ. Я какъ-то совралъ, и отецъ за это меня выдралъ. Вскорѣ послѣ этого я поѣхалъ съ нимъ по желѣзной дорогѣ и замѣтилъ, что отецъ мой тоже совралъ и считалъ это вполнѣ справедливымъ. Мнѣ было тогда пять лѣтъ, а мой отецъ сказалъ кондуктору, что мнѣ еще не было четырехъ, такъ какъ дѣти моложе четырехъ лѣтъ пользовались даровымъ проѣздомъ. Затѣмъ, однажды мой учитель мнѣ сказалъ: «будь прилеженъ, дѣлай свое дѣло, и тогда все пойдетъ хорошо въ твоей жизни». И онъ былъ неправъ, это я понялъ очень скоро. Мой отецъ былъ добросовѣстный, честный, вполнѣ благородный человѣкъ, а одинъ подлецъ, который и сейчасъ богатъ, обманомъ лишилъ его нѣсколькихъ тысячъ талеровъ. Къ этому же негодяю, у котораго былъ большой мыловаренный заводъ, мой отецъ, впавъ въ бѣдность, долженъ былъ поступить на мѣсто.

Елена. У насъ никто не осмѣлится—вслухъ никто не осмѣлится счесть это за несправедливость. Много, если почувствуютъ въ глубинѣ души. Это чувствуютъ нѣкоторые, пожалуй, и часто,—и тогда такого человѣка считаютъ трусомъ.

Лотъ. Я помню одну несообразность, которая рѣзко бросилась мнѣ въ глаза. До тѣхъ поръ я думалъ, что убійство во всѣхъ случаяхъ наказывается, какъ преступленіе. Но съ тѣхъ поръ мнѣ стало ясно, что незаконными считаются только самыя мягкія формы убійства.

Елена. Какимъ же это образомъ?..

Лотъ. Мой отецъ былъ рафиновальщикъ; мы жили рядомъ съ заводомъ, и наши окна выходили на заводскій дворъ. Да, многому тамъ я научился... Такъ былъ вотъ тамъ одинъ рабочій,—прослужилъ на заводѣ пять лѣтъ и началъ сильно кашлять и худѣть... Я помню, какъ отецъ разсказывалъ намъ за столомъ: Бурмейстеръ—такъ звали рабочаго—наживетъ себѣ чахотку, если будетъ еще работать при выдѣлкѣ мыла. Докторъ ему это прямо сказалъ. У рабочаго было восемь человѣкъ дѣтей, и онъ былъ такъ изнуренъ, что найти себѣ другой работы не могъ и долженъ былъ поневолѣ остаться на мыловаренномъ заводѣ. И принципалъ считалъ себя, конечно, благотворителемъ за то, что оставилъ его. Въ одинъ страшно жаркій августовскій день онъ съ трудомъ везъ тачку извести черезъ дворъ. Я какъ разъ смотрѣлъ изъ окна и замѣтилъ, что онъ остановился, закачался и наконецъ упалъ во весь ростъ на

камни. Я побѣжалъ туда, пришелъ отецъ, пришли другіе рабочіе, а онъ только хрипитъ, и ротъ его былъ полонъ крови. Я сталъ помогать перенести его въ домъ. Онъ представлялъ собою груду лохмотьевъ, пропитанныхъ известью и другими ѣдкими химическими продуктами. Мы не успѣли его донести до дому, онъ умеръ по дорогѣ.

Елена. Господи, какъ ужасно!

Лотъ. Да, а недѣлю спустя мы вытащили тѣло его жены изъ рѣки, въ которую стекалъ съ завода негодный щелокъ. Когда вотъ знаешь все это, какъ я теперь знаю, то, повѣрьте, жить спокойно нельзя. Да, простой кусочекъ мыла, о которомъ никто на свѣтѣ ничего не думаетъ, и чисто вымытыя, выхоленныя руки приводятъ меня въ самое мрачное настроеніе духа.

Елена. Я тоже видѣла разъ нѣчто подобное. Это было ужасно, ужасно!

Лотъ. Что̀ такое?

Елена. Сына одного рабочаго принесли сюда полумертвымъ... года три тому назадъ.

Лотъ. Несчастный случай?

Елена. Да, на той сторонѣ, въ Медвѣжьей штольнѣ.

Лотъ. Рудокопъ?

Елена. Да, большинство здѣшней молодежи работаетъ въ рудникахъ. И второй сынъ этого отца тоже былъ шлеперомъ и кончилъ такъ же.

Лотъ. Оба умерли?

Елена. Оба умерли... одинъ разъ оборвалось что-то въ подъемной машинѣ, а другой разъ тамъ газомъ задушило... У старика Бейбста есть еще третій сынъ. И онъ съ Пасхи началъ тамъ работать.

Лотъ. Тамъ же! Да что̀ вы говорите! И отецъ согласился

Елена. Конечно! Только еще ворчливѣе прежняго сталъ. Развѣ вы его еще не видали?

Лотъ. Я? Почему?

Елена. Да онъ съ ранняго утра сидѣлъ здѣсь въ воротахъ.

Лотъ. Ахъ, онъ работаетъ здѣсь на дворѣ?

Елена. Ужъ много лѣтъ.

Лотъ. Хромаетъ?

Елена. Даже очень сильно.

Лотъ. Такъ, такъ. Что̀ это у него съ ногой?

Елена. Ахъ, это дикая исторія. Вы вѣдь знаете г-на Кааля? Простите, но я подойду къ вамъ поближе. Его

отецъ, видите ли, былъ такой же сумасшедшій охотникъ, какъ и сынъ. Онъ стрѣлялъ вслѣдъ ученикамъ ремесленниковъ, когда они проходили черезъ дворъ, конечно, только на воздухъ, только чтобы попугать ихъ. Къ тому же онъ былъ страшно вспыльчивъ, особенно когда выпьетъ. Ну, Бейбстъ какъ-то и разворчался, — онъ очень любитъ ворчать, — тогда крестьянинъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ въ него... Бейбстъ, знаете, былъ раньше кучеромъ у сосѣда Кааля.

Лотъ. Преступленіе за преступленіемъ, куда ни посмотри.

Елена (все безсвязнѣе и возбужденнѣе). Я много разъ такъ думала про себя... они всѣ возбуждаютъ во мнѣ иногда такую страшную жалость — старый Бейбстъ и... Крестьяне такъ глупы и грубы, какъ... какъ, напримѣръ, Штрекманъ, который заставляетъ своихъ работниковъ голодать, а собакъ кормитъ чуть не кондитерскимъ печеньемъ. Я просто растерялась здѣсь, съ тѣхъ поръ какъ вернулась изъ пансіона. Я болтаю глупости,—вамъ это совсѣмъ не интересно. Вы, можетъ-быть, смѣетесь надо мной.

Лотъ. Что вы говорите?.. Почему бы я сталъ надъ вами...

Елена. Ну какъ же нѣтъ? Навѣрно, вы думаете: она не лучше другихъ здѣшнихъ!

Лотъ. Я ни о комъ не думаю дурно.

Елена. Нѣтъ, все равно, я не повѣрю... нѣтъ, нѣтъ!

Лотъ. Чѣмъ же я далъ вамъ поводъ...

Елена (готовая заплакать). Ахъ, будетъ вамъ! Вы презираете насъ, сознайтесь — вѣдь вы должны насъ презирать (плаксиво) — и зятя и меня! Меня прежде всего, и на это, на это у васъ, вѣроятно, есть также основаніе. (Быстро поворачивается къ Лоту спиной и идетъ, не владѣя больше своими движеніями, черезъ фруктовый садъ къ заднему плану. Лотъ входитъ въ калитку и медленно идетъ за ней).

Г-жа Краузе (въ утреннемъ туалетѣ, съ краснымъ, какъ у индюка, лицомъ, въ дверяхъ, кричитъ). Бѣда съ этими дѣвками! Въ моемъ домѣ. Вонъ всѣхъ этихъ дѣвокъ! (Бѣжитъ черезъ дворъ и исчезаетъ въ конюшнѣ. Г-жа Шпиллеръ появляется съ вязаньемъ въ дверяхъ дома. Въ конюшнѣ слышны брань и вой).

Г-жа Краузе (толкаетъ передъ собой изъ конюшни воющую дѣвушку). Дѣвка уличная! (Дѣвушка воетъ громче). Вонъ отсюда! Собирай свои пожитки и убирайся! (Елена, съ красными глазами, входитъ въ ворота, замѣчаетъ сцену и тихо стоитъ, выжидая).

Дѣвушка (видитъ г-жу Шпиллеръ, бросаетъ скамейку и ведро для молока, и яростно подходитъ къ ней). Это вы все! Я вамъ

за это отплачу! (Бѣжитъ, всхлипывая, по чердачной лѣстницѣ наверхъ. Скрывается).

Елена (подходя къ г-жѣ Краузе). Что она такое сдѣлала?

Г-жа Краузе (грубо). А тебѣ что за дѣло, дура?

Елена (горячо, почти плача). Да, это мое дѣло.

Г-жа Шпиллеръ (быстро подходя). Это совсѣмъ не дѣло для молоденькой барышни...

Г-жа Краузе. Почему это, Шпиллеръ? Не сахарная. Съ конюхомъ она на одной постели лежала... Вотъ знай!..

Елена (повелительнымъ голосомъ). Но дѣвушка все-таки останется у насъ.

Г-жа Краузе. Дѣвка!

Елена. Хорошо! Тогда я разскажу отцу, что у тебя ночуеть Вильгельмъ Кааль.

Г-жа Краузе (даетъ ей пощечину). Вотъ тебѣ!

Елена (блѣдная какъ смерть, но еще тверже). Дѣвушка останется, или... или я вездѣ разскажу. Ты и Кааль Вильгельмъ... Твой двоюродный братъ... мой женихъ... Я вездѣ разскажу.

Г-жа Краузе (въ нерѣшительномъ смущеніи). Кто это смѣетъ сказать?

Елена. Я! Потому что я видѣла, какъ онъ сегодня утромъ изъ твоей спальни... (Быстро уходитъ въ домъ).

(Г-жа Краузе шатается, близка къ обмороку. Г-жа Шпиллеръ подходитъ къ ней съ флакончикомъ).

Г-жа Шпиллеръ. Сударыня! Сударыня!

Г-жа Краузе. Шпиллеръ, скажите этой дѣвкѣ, пусть остается!

(Занавѣсъ быстро падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ ссоры Елены съ мачехой на дворѣ. Обстановка та же, что̀ въ первомъ дѣйствіи.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ сидитъ за столомъ налѣво на переднемъ планѣ и пишетъ рецептъ. Шляпа съ большими полями, палка и нитяныя перчатки на столѣ передъ нимъ. Плотный, низкаго роста, съ черными волосами и довольно густыми усами. Черный сюртукъ по образцу обыкновенныхъ охотничьихъ сюртуковъ. Одѣтъ солидно, но не изящно. У него привычка почти безостановочно крутить и поглаживать усы, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ самъ возбужденнѣе. Выраженіе его лица въ разговорѣ съ Гофманомъ принужденно-спокойно, въ углахъ рта саркастическая складка. Его движенія живы, опредѣленны, угловаты, но вполнѣ естественны.

Гофманъ въ шелковомъ халатѣ и туфляхъ ходитъ по комнатѣ. На столѣ на заднемъ планѣ накрытъ завтракъ. Дорогой фарфоръ, печенье, графинчикъ съ ромомъ и т. п.

Гофманъ. Что̀ же, вы довольны, докторъ, моей женой?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Почему же нѣтъ? Она выглядитъ совсѣмъ хорошо.

Гофманъ. И, вы думаете, все обойдется хорошо?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Надѣюсь.

Гофманъ (послѣ паузы, нерѣшительно). Я уже нѣсколько недѣль, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ сюда, все собираюсь спросить у васъ совѣта въ одномъ, очень важномъ вопросѣ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (который былъ до сихъ поръ занятъ писаньемъ, откладываетъ перо, встаетъ и передаетъ Гофману написанный рецептъ). Такъ... Закажите это поскорѣе. (Беретъ шляпу, перчатки и палку). Ваша жена жалуется на головную боль. (Глядя въ шляпу, дѣловитымъ тономъ) Да, чтобы не забыть... Постарайтесь объяснить вашей женѣ, что она нѣкоторымъ образомъ отвѣтственна за будущаго ребенка. Я самъ ей только-что поразсказалъ о послѣдствіяхъ затягиванія.

Гофманъ. Конечно, докторъ... я сдѣлаю все отъ меня зависящее...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (кланяясь нѣсколько неловко). Будьте здоровы. (Идетъ, потомъ останавливается). Ахъ, да!.. Вы хотѣли спросить у меня что-то. (Холодно взглядываетъ на Гофмана).

Гофманъ. Да, если у васъ есть нѣсколько свободныхъ минутъ... (Не безъ аффектаціи) Вы знаете ужасную смерть моего перваго мальчика. Вы были вѣдь свидѣтелемъ ея. Вы знаете, конечно, въ какомъ ужасномъ состояніи былъ я въ то время... Но время все смягчаетъ... Наконецъ я вознагражденъ, мое страстное желаніе, повидимому, исполняется. Вы понимаете, что я готовъ все сдѣлать... Я ночей не сплю и все-таки не знаю, все-таки еще не знаю, что я долженъ сдѣлать, чтобы избавить еще не родившееся созданіе отъ участи его братишки. Объ этомъ-то я и хотѣлъ съ вами...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (сухо и дѣловито). Разлучите его съ матерью: это главное условіе успѣшнаго развитія.

Гофманъ. То-есть? Вы хотите сказать: совсѣмъ разлучить? Ему нельзя даже быть въ одномъ домѣ съ ней?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да, если вы серьезно хотите сохранить своего ребенка, то нельзя. Вѣдь ваши средства позволяютъ вамъ свободно распорядиться въ этомъ отношеніи?

Гофманъ. Да, слава Богу! Я уже купилъ близъ Гиршберга виллу съ очень большимъ паркомъ. Но я хотѣлъ и жену...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (крутитъ усъ и пристально смотритъ въ землю. Послѣ нѣкотораго раздумья). Для жены купите виллу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Гофманъ (пожимаетъ плечами).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (какъ прежде). Не можете ли вы заинтересовать въ воспитаніи ребенка вашу невѣстку?

Гофманъ. Если бы вы знали, г-нъ докторъ, какія тутъ затрудненія... Кромѣ того, вѣдь она совершенно неопытная молодая дѣвушка... Мать—все-таки мать.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Вы знаете мое мнѣніе. Честь имѣю кланяться.

Гофманъ (кланяясь ему съ преувеличенною любезностью). До свиданія! Очень, очень вамъ благодаренъ... (Оба уходятъ въ среднюю дверь).

Елена (входитъ, внѣ себя, всхлипываетъ, держитъ платокъ у рта, падаетъ на диванъ налѣво. Черезъ нѣсколько секундъ снова входитъ Гофманъ, держа въ рукахъ газеты).

Гофманъ. Что это ты? И долго это будетъ продолжаться? Съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ, дня не проходитъ, чтобы ты не плакала.

Елена. Ахъ! Ну что ты понимаешь? Если бы ты имѣлъ хоть маленькое представленіе обо всемъ, ты бы удивлялся, что я иногда не плачу.

Гофманъ. Ну, это мнѣ не нравится!

Елена. А мнѣ тѣмъ болѣе!

Гофманъ. Послушай, значитъ, опять что-нибудь вышло?

Елена (вскакиваетъ, топаетъ ногой). Я не могу больше терпѣть. Довольно! Я этого больше не позволю! Я не понимаю, почему... я...

Гофманъ. Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ чемъ дѣло, чтобы...

Елена (снова горячо прорываясь). Мнѣ все равно! Хуже быть не можетъ. Отецъ — пьяница, животное, отъ котораго не защищена даже собственная дочь. Прелюбодѣйка-мачеха, которая желаетъ сосватать меня за своего любовника... Вообще вся эта жизнь... Нѣтъ!.. Я не понимаю, кто смѣетъ меня заставить сдѣлаться совсѣмъ дурной! Я ухожу! Я уѣзжаю! И если вы меня не пустите... веревка... ножъ... револьверъ... мнѣ все равно,—я не могу браться за водку, какъ моя сестра.

Гофманъ (испуганно, хватаетъ ее за руку). Лена!.. Молчи!.. Не говори объ этомъ!

Елена. Все равно!.. Мнѣ совершенно все равно!.. Надо стыдиться всего этого въ глубинѣ души. Хочется знать что-нибудь, чѣмъ-нибудь быть, быть въ состояніи чѣмъ-нибудь сдѣлаться,—а чѣмъ же сдѣлаешься?

Гофманъ (не выпускавшій до сихъ поръ ея руки, начинаетъ постепенно подводить дѣвушку къ дивану. Въ тонѣ его голоса слышится теперь вдругъ мягкая, преувеличенная, какъ бы вибрирующая нѣжность). Леночка! Я знаю, много тебѣ приходится здѣсь выносить. Успокойся!.. Не разсказывай мнѣ ничего... Я знаю... (Кладетъ, лаская, правую руку ей на плечо, приближается къ ней лицомъ). Я не могу видѣть твоихъ слезъ. Слышишь, мнѣ самому это больно. Не гляди на обстоятельства мрачнѣе, чѣмъ они есть, а потомъ, развѣ ты забыла, что мы оба находимся въ одинаковомъ положеніи? Я вступилъ въ эту деревенскую атмосферу... а развѣ я подхожу къ ней? Вѣроятно, такъ же мало, какъ и ты.

Елена (все еще плача). Подозрѣвала ли это мама, когда она захотѣла, чтобы я воспитывалась въ Гернгутѣ. Лучше

бы она меня... лучше бы она меня оставила дома,—тогда я, по крайней мѣрѣ, ничего бы другого не знала, выросла бы здѣсь, въ болотѣ. Но такъ...

Гофманъ (довелъ нѣжно Елену до дивана и садится рядомъ съ ней, тѣсно прижавшись къ ней. Въ его утѣшеніяхъ все замѣтнѣе проскальзываетъ чувственный элементъ). Леночка! Ну посмотри на меня! Ну утѣшься! О сестрѣ твоей мнѣ тебѣ нечего говорить. (Горячо и съ задушевностью, обнимая ее крѣпче) Если бы она была похожа на тебя!.. Ну сама посуди, чѣмъ она можетъ быть для меня? Что за жизнь, Леночка, образованнаго человѣка, (тише) жена котораго страдаетъ такой несчастной страстью? Вѣдь вслухъ сказать-то страшно: женщина и водка... Ну, скажи, развѣ я счастливъ?.. Подумай о моемъ Фрицѣ. Ну?.. (Все страстнѣе) Но судьба все-таки позаботилась, она заставила встрѣтиться насъ съ тобой. Мы созданы другъ для друга! Намъ съ нашимъ общимъ горемъ суждены и общія радости. Правда, Леночка? (Онъ совсѣмъ обнимаетъ ее. Она переноситъ это, но съ выраженіемъ лица, которое говоритъ, что она принуждаетъ себя къ терпѣнію. Она затихла и ждетъ, повидимому, съ трепетнымъ ожиданіемъ, что что-то должно непремѣнно произойти).

Гофманъ (нѣжно). Послушайся меня, уходи отсюда и поселись съ нами. Будущій ребенокъ нуждается въ матери. Лена, замѣни ему мать! (Страстно тронутый, сентиментально) Вѣдь у него нѣтъ матери! А потомъ еще: внеси немного, ну хоть капельку свѣта и въ мою жизнь! Сдѣлай, сдѣлай это! (Хочетъ положить голову къ ней на грудь. Она вскакиваетъ, возмущенная. На ея лицѣ отражается презрѣніе, изумленіе, отвращеніе, ненависть).

Елена. О, теперь я тебя насквозь вижу! До сихъ поръ я это смутно подозрѣвала, но теперь я знаю.

Гофманъ (изумленно, не понимая). Что?.. Елена...

Елена. Теперь я знаю, что ты ни на волосъ не лучше... Нѣтъ, ты хуже, ты всѣхъ гаже здѣсь!

Гофманъ (встаетъ, холодно). Очень странно ты ведешь себя сегодня!

Елена (подходитъ къ нему ближе). Ты прямо идешь къ цѣли. (Вполголоса ему на ухо) Но у тебя другое оружіе, чѣмъ у отца и мачехи или у почтеннаго господина жениха. О, совсѣмъ другое! Они всѣ, взятые вмѣстѣ, въ сравненіи съ тобой жалкіе ягнята. Но теперь... теперь мнѣ это сразу стало ясно, какъ день.

Гофманъ (съ притворнымъ негодованіемъ). Лена! Ты... ты съ ума сошла, вѣдь это чистое безуміе... (Прерываетъ себя,

ударяетъ себя по головѣ). Господи, какъ это я сразу не догадался! Ну, конечно... Ты... хоть сейчасъ еще очень рано, но я держу пари, ты... Елена, ты сегодня утромъ ужъ разговаривала съ Альфредомъ Лотомъ.

Елена. А почему бы мнѣ съ нимъ и не разговаривать? Это человѣкъ, отъ котораго всѣмъ бы намъ слѣдовало прятаться отъ стыда...

Гофманъ. Такъ, значитъ, правда?.. Да?.. Въ такомъ случаѣ нечего удивляться. Да, да, да, воспользовался, значитъ, случаемъ унизить своего благодѣтеля. Что же? Этого всегда надо ожидать.

Елена. Зять, вѣдь это же подло.

Гофманъ. Я тоже такъ думаю!

Елена. Онъ не сказалъ о тебѣ ни слова, ни одного слова!

Гофманъ (не соглашаясь съ этимъ). Ну, и если дѣло обстоитъ такъ, то моя прямая обязанность... да, да, моя обязанность, какъ родственника, оградить такую неопытную дѣвушку, какъ ты...

Елена. Неопытную дѣвушку? Что же ты думаешь обо мнѣ?

Гофманъ (раздраженно). Лотъ вошелъ въ домъ подъ моей отвѣтственностью. Ну, такъ знай: это, выражаясь осторожно, въ высшей степени опасный мечтатель, этотъ г-нъ Лотъ!

Елена. То, что ты говоришь о г-нѣ Лотѣ, несообразно, до смѣшного несообразно.

Гофманъ. Мечтатель, задача котораго кружить головы не только женщинамъ, но и благоразумнымъ мужчинамъ.

Елена. Видишь, вотъ и опять несообразность! Послѣ немногихъ словъ, которыми мы обмѣнялись съ г-номъ Лотомъ, у меня стало такъ отрадно-ясно въ головѣ...

Гофманъ. Въ томъ, что я говорю, нѣтъ ничего несообразнаго.

Елена. Чтобы почувствовать несообразность, надо имѣть чутье; а его-то у тебя и нѣтъ.

Гофманъ (какъ выше). Мы теперь говоримъ не объ этомъ. Еще разъ тебѣ объявляю, что я не говорю тебѣ ничего несообразнаго, напротивъ, все это совершенно вѣрно. Я знаю это по себѣ: онъ отуманиваетъ голову, и тогда невольно начинаешь мечтать о братствѣ съ народомъ, о свободѣ и равенствѣ, забывая и объ обычаяхъ и о нравственности... Ради этой химеры тогда мы, видитъ Богъ, перешагнули бы черезъ трупы родителей, чтобы достигнуть цѣли. И, повторяю, онъ въ случаѣ надобности сдѣлаетъ это и теперь.

Елена. А сколько родителей перешагиваютъ ежегодно черезъ трупы своихъ дѣтей, при чемъ никто...

Гофманъ (прерываетъ ее). Это безуміе! Тогда всему, значитъ, конецъ! Говорю тебѣ, берегись его во всѣхъ... да, да, я говорю совершенно ясно — во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ нѣтъ и слѣда заботъ о нравственности.

Елена. И какъ это опять несправедливо! Повѣрь мнѣ, зять, разъ только начнешь обращать на это вниманіе... Это ужасно интересно...

Гофманъ. Говори, что̀ тебѣ угодно. Теперь ты предупреждена. Я могу тебѣ сказать еще одно... только это между нами: тогда я чуть-чуть не попалъ изъ-за него и вмѣстѣ съ нимъ въ самую ужасную исторію.

Елена. Но если это такой опасный человѣкъ, почему же ты такъ искренно обрадовался вчера, когда...

Гофманъ. Ахъ, Боже мой, но вѣдь мы еще дѣтьми росли вмѣстѣ. Да ты и не знаешь, можетъ-быть, у меня были опредѣленныя причины...

Елена. Причины? Какія?

Гофманъ. Вотъ именно эти... Если бы онъ пріѣхалъ сегодня и если бы я зналъ то, что̀ знаю теперь...

Елена. Да что̀ ты наконецъ знаешь? Я уже тебѣ сказала, что о тебѣ онъ не говорилъ ни слова.

Гофманъ. Понадѣйся на него! Сознаюсь, я долго колебался, приглашать его остаться или нѣтъ. Лотъ—человѣкъ, знакомство съ которымъ компрометируетъ. За нимъ слѣдятъ.

Елена. Развѣ онъ совершилъ какое-нибудь преступленіе?

Гофманъ. Не будемъ лучше говорить объ этомъ. Но повѣрь одному: человѣкъ со взглядами, какихъ держится онъ, въ настоящее время считается гораздо опаснѣе любого вора.

Елена. Это я себѣ замѣчу... Но только, слышишь? послѣ твоей характеристики г-на Лота, не спрашивай меня, что̀ я думаю о тебѣ. Слышишь?

Гофманъ (цинично-холодно). Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что мнѣ интересно это знать? (Нажимаетъ пуговку звонка). Кажется, это онъ идетъ. (Входитъ Лотъ).

Гофманъ. Ну, хорошо поспалъ, дружище?

Лотъ. Хорошо, но недолго. Послушай, я сейчасъ видѣлъ, изъ дому вышелъ какой-то господинъ...

Гофманъ. Вѣроятно, докторъ... онъ только-что здѣсь былъ. Вѣдь я тебѣ разсказывалъ... страшная смѣсь жестокости и сентиментальности.

(Елена говоритъ съ Эдуардомъ, который только-что вошелъ. Онъ уходитъ и вскорѣ затѣмъ подаетъ чай и кофе).

Лотъ. Эта смѣсь, какъ ты выражаешься, напомнила мнѣ одного моего стараго университетскаго товарища,—я просто головой могъ бы поручиться, что это онъ—Шиммельпфеннигъ.

Гофманъ (садясь къ столу съ накрытымъ завтракомъ). Совершенно вѣрно: это и есть Шиммельпфеннигъ.

Лотъ. Чтò? Онъ?

Гофманъ. Его въ самомъ дѣлѣ зовутъ Шиммельпфеннигъ.

Лотъ. Здѣшняго доктора?

Гофманъ. Ну да, ты самъ только-что сказалъ.

Лотъ. Значитъ... Господи, какъ это странно! Такъ это безусловно онъ.

Гофманъ. Прекрасныя души встрѣчаются и на морѣ и на сушѣ. Ты не разсердишься, если я начну. Мы только-что хотѣли завтракать. Садись. Ты, вѣроятно, еще не завтракалъ?

Лотъ. Нѣтъ!

Гофманъ. Ну такъ вотъ. (Онъ пододвигаетъ, продолжая сидѣть, Лоту стулъ. Затѣмъ къ Эдуарду, который входитъ съ чаемъ и кофе) Развѣ старая барыня не придетъ?

Эдуардъ. Барыня и г-жа Шпиллеръ будутъ завтракать у себя въ комнатѣ.

Гофманъ. Но вѣдь этого еще никогда...

Елена (поправляя сервировку). Оставь! У нихъ на это есть свои причины.

Гофманъ. Да?.. Лотъ, кушай... Яйцо? чаю?

Лотъ. Я бы попросилъ лучше стаканъ молока.

Гофманъ. Съ удовольствіемъ.

Елена. Эдуардъ, скажите Милѣ, чтобы надоила свѣжаго.

Гофманъ (чиститъ яйцо). Молоко — брр! даже передергиваетъ. (Беретъ соль и перецъ). Послушай, Лотъ, чтò тебя собственно привело въ наши страны? Я совершенно забылъ спросить тебя объ этомъ.

Лотъ (намазываетъ розанчикъ масломъ). Я хотѣлъ бы изучить кое-какія мѣстныя условія.

Гофманъ (взглядываетъ на него). То-есть?.. Какія же условія?

Лотъ. Точнѣе говоря, я хочу изучить положеніе здѣшнихъ рудокоповъ.

Гофманъ. Ну, оно въ общемъ очень хорошо.

Лотъ. Ты думаешь? Это было бы превосходно... Да,

чтобы не забыть: ты долженъ мнѣ помочь. Ты окажешь большую услугу народному хозяйству, если...

Гофманъ. Я? Какимъ образомъ?

Лотъ. Вѣдь ты откупилъ здѣшніе рудники?

Гофманъ. Ну такъ что же изъ этого?

Лотъ. Слѣдовательно тебѣ легко достать мнѣ разрѣшеніе посѣщать рудники. Т.-е. я хочу по крайней мѣрѣ въ продолженіе мѣсяца спускаться въ рудники, чтобы хоть нѣсколько изучить производство...

Гофманъ (вскользь). И что увидишь тамъ внизу, потомъ все опишешь?

Лотъ. Да. Моя работа будетъ сдѣлана преимущественно на основаніи видѣннаго.

Гофманъ. Мнѣ, право, очень жаль, но я ничего не могу сдѣлать. Ты хочешь писать только о рудокопахъ?

Лотъ. Изъ этого вопроса видно, что ты совсѣмъ не... политико-экономъ.

Гофманъ (оскорбленный въ своемъ самолюбіи). Извини, пожалуйста! Кажется, ты не можешь сомнѣваться?.. Я не понимаю, почему нельзя было задать этотъ вопросъ? И наконецъ ничего бы не было удивительнаго... Нельзя вѣдь всего знать.

Лотъ. Успокойся, дѣло очень просто: если я буду изучать положеніе здѣшнихъ углекоповъ, то, конечно, долженъ буду коснуться и тѣхъ условій, которыя обусловливаютъ это положеніе.

Гофманъ. Въ такихъ сочиненіяхъ иногда страшно преувеличиваютъ.

Лотъ. Надѣюсь, я этого избѣгну.

Гофманъ. Это будетъ очень похвально. (Онъ уже нѣсколько разъ и теперь снова взглядываетъ короткимъ, пытливымъ взглядомъ на Елену, которая съ наивнымъ благоговѣніемъ слушаетъ Лота). Какъ это до дикости смѣшно. Иногда неожиданно придетъ въ голову... И почему вдругъ придетъ — неизвѣстно!

Лотъ. Какая же это мысль такъ неожиданно пришла тебѣ въ голову?

Гофманъ. Насчетъ тебя. Я вспомнилъ о твоей... нѣтъ, это даже безтактно... въ присутствіи молодой особы говорить о твоихъ сердечныхъ тайнахъ.

Елена. Въ такомъ случаѣ я лучше...

Лотъ. О, нѣтъ!.. Пожалуйста, останьтесь. Я уже давно замѣчаю, къ чему онъ ведетъ. Въ этомъ рѣшительно нѣтъ

ничего опаснаго. (Къ Гофману) Ты говоришь о моей помолвкѣ, не правда ли?

Гофманъ. Если ты самъ догадался, то да. Я дѣйствительно вспомнилъ о твоей помолвкѣ съ Анной Фаберъ...

Лотъ. Дѣло разошлось, конечно, когда я попалъ тогда въ тюрьму.

Гофманъ. Ну, это не особенно красиво съ ея стороны.

Лотъ. Во всякомъ случаѣ это было честно. Въ ея письмѣ съ отказомъ сказалась ея истинная физіономія, и если бы она раньше меня познакомила съ ней, то, конечно, многаго бы не было.

Гофманъ. А съ тѣхъ поръ твое сердце оставалось свободнымъ?

Лотъ. Да.

Гофманъ. Ну, разумѣется, далъ клятву не жениться, такъ же, какъ и не пить! А? Впрочемъ, chacun a son goût.

Лотъ. Это не вкусъ мой, а, можетъ-быть, моя судьба. Насколько я помню, я тебѣ уже говорилъ, что насчетъ женитьбы я клятвъ себѣ никакихъ не давалъ. Я боюсь только, что я просто не найду женщины, которая подходила бы ко мнѣ.

Гофманъ. Громкія слова, Лотъ!

Лотъ. Совершенно серьезно! Можетъ-быть, съ годами ударяешься слишкомъ въ критику, а здоровый инстинктъ становится слабѣе. А я считаю инстинктъ лучшей гарантіей подходящаго выбора.

Гофманъ (съ оттѣнкомъ скабрезности). Ну, онъ опять явится, (смѣясь) именно инстинктъ.

Лотъ. Да, въ концѣ концовъ, что̀ я могу предложить женщинѣ? Я всегда буду сомнѣваться, могу ли я требовать отъ женщины, чтобы она довольствовалась той маленькой частицей моей личности, которая остается отъ цѣли моей жизни. А потомъ я боюсь заботъ о семействѣ.

Гофманъ. Что̀?.. Заботъ о семействѣ? Да развѣ у тебя нѣтъ головы и рукъ, что ли?

Лотъ. Какъ видишь, есть. Но,—какъ я уже тебѣ сказалъ, — моя рабочая сила большею своею частью принадлежитъ дѣлу и всегда будетъ принадлежать ему своею большею частью: такимъ образомъ она уже не моя. Кромѣ того, я только съ громадными затрудненіями...

Гофманъ. Тсс! Вотъ звонитъ.

Лотъ. Ты считаешь все это пустыми фразами?

Гофманъ. Откровенно говоря, похоже на то. Вѣдь мы

въ концѣ концовъ тоже не бушмены, а однако женимся. Есть люди, которые увѣрены, что имъ дана какая-то привилегія на совершеніе всѣхъ благодѣяній на свѣтѣ.

Лотъ (горячо). Совсѣмъ нѣтъ! Я объ этомъ и не думаю. Если бы ты не отрекся отъ своей жизненной задачи, то твое счастливое матеріальное положеніе было бы только на руку.

Гофманъ (иронически). Это одно изъ твоихъ требованій?

Лотъ. Требованій? Какихъ?

Гофманъ. Я хочу сказать, что ты бы обратилъ, конечно, вниманіе на состояніе твоей жены.

Лотъ. Непремѣнно.

Гофманъ. А затѣмъ бы послѣдовалъ еще длинный рядъ другихъ требованій.

Лотъ. Конечно! Тѣлесное и душевное здоровье невѣсты, напримѣръ, для меня conditio sine qua non.

Гофманъ (смѣясь). Великолѣпно! Въ такомъ случаѣ необходимо предварительное врачебное изслѣдованіе невѣсты.

Лотъ (серьезно). Да, но помни, что я и къ себѣ предъявляю требованія.

Гофманъ (все горячѣе). Знаю, знаю!.. Отлично помню, какъ ты изучалъ литературу о любви, чтобы убѣдиться самымъ добросовѣстнымъ образомъ, что то чувство, которое ты тогда испытывалъ къ какой-то дамѣ, было дѣйствительно любовью. Ну-съ, такъ какія же у тебя еще требованія?

Лотъ. Я бы хотѣлъ, чтобы моя жена была способна къ самоотреченію.

Елена. Если... если... Нѣтъ, лучше я не буду говорить... я хотѣла только сказать: женщина вѣдь вообще привыкла къ самоотреченію.

Лотъ. Ради Бога! Вы совершенно меня не поняли. Я не то подразумѣваю подъ самоотреченіемъ. Ну, она должна была бы добровольно и съ радостью отречься отъ той части моего существа, которая принадлежитъ моей жизненной задачѣ. Нѣтъ, нѣтъ! Въ остальномъ моя жена можетъ требовать всего, чего лишали женщинъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій.

Гофманъ. О-о!.. Женская эмансипація,—дѣйствительно твой поворотъ достоинъ удивленія. И теперь ты въ вѣрномъ фарватерѣ. Фрицъ Лотъ, или агитаторъ въ жилетномъ карманѣ... Какъ же ты формулируешь свои требованія, или, вѣрнѣе: насколько должна быть эмансипирована

твоя жена? Мнѣ очень интересно тебя послушать. Должна она курить сигары? Носить брюки?

Лотъ. Это менѣе всего, но, во всякомъ случаѣ, она должна была бы не обращать вниманія на нѣкоторые общественные предразсудки. Она должна была бы, напримѣръ, безбоязненно, если она меня дѣйствительно любитъ, отказаться отъ извѣстныхъ вѣрованій.

Гофманъ (кончилъ завтракать. Вскакиваетъ въ полусерьезномъ, полукомическомъ ужасѣ). Знаешь? Это... это... прямо безсовѣстное требованіе! И я тебѣ предсказываю, тебѣ такъ и придется прошататься до конца жизни, если ты не предпочтешь сдѣлать уступку.

Елена (съ трудомъ преодолѣвая внутреннее волненіе). Я должна извиниться—хозяйство... мама въ своей комнатѣ и...

Гофманъ. Не стѣсняйся!

(Елена кланяется, уходитъ).

Гофманъ (съ коробкой спичекъ подходитъ къ сигарному ящику, который стоитъ на буфетѣ). Да, такъ и должно было быть... Ты раззадориваешь... и довольно страшно! (Беретъ сигару изъ ящика и садится на диванъ налѣво спереди. Онъ обрѣзаетъ кончикъ сигары и держитъ, въ продолженіе послѣдующихъ словъ, сигару въ лѣвой рукѣ, а отрѣзанный кусочекъ между пальцами правой руки). И вмѣстѣ съ тѣмъ это же забавляетъ. А потомъ — ты не повѣришь, какъ благотворно дѣйствуютъ нѣсколько дней въ деревнѣ вдали отъ дѣлъ. Если бы только не этотъ сегодняшній... Который теперь часъ? Къ сожалѣнію, я какъ разъ сегодня долженъ обѣдать въ городѣ. Необходимо было дать этотъ обѣдъ. Приходится! Дѣловой человѣкъ! Рука руку моетъ. Горные инженеры ужъ привыкли къ этому. Ну, одну-то сигару еще можно выкурить. (Бросаетъ кусочекъ сигары въ плевательницу, садится снова на диванъ и закуриваетъ сигару).

Лотъ (у стола; перелистываетъ, стоя, роскошное изданіе). «Приключенія графа Зандора».

Гофманъ. Эту глупость ты встрѣтишь здѣсь у большинства крестьянъ.

Лотъ (скрывъ лицо между листами). Сколько лѣтъ твоей невѣсткѣ?

Гофманъ. Въ августѣ исполнится двадцать одинъ.

Лотъ. Она несчастна?

Гофманъ. Не знаю. Думаю, впрочемъ, нѣтъ. Она производитъ на тебя такое впечатлѣніе?

Лотъ. Во всякомъ случаѣ, она выглядитъ скорѣе... скорѣе тоскующей, чѣмъ больной.

Гофманъ. Непріятности съ мачехой...

Лотъ. Кажется, она немного раздражительна?

Гофманъ. При такихъ условіяхъ... желалъ бы я знать, кто бы не сдѣлался раздражительнымъ при такихъ условіяхъ...

Лотъ. Съ большой энергіей, кажется?

Гофманъ. Упрямство!

Лотъ. И сердца въ ней много тоже, правда?

Гофманъ. Иногда даже слишкомъ.

Лотъ. Почему же она не живетъ въ твоемъ домѣ, если условія здѣсь для нея такія тяжелыя?

Гофманъ. Спроси ее, почему! Я ей много разъ предлагалъ. У женщинъ свои капризы. (Гофманъ, съ сигарой во рту, вынимаетъ записную книжку и подсчитываетъ). Ты вѣдь не разсердишься на меня, если я... если я тебя оставлю?

Лотъ. Конечно, нѣтъ.

Гофманъ. Сколько времени ты еще думаешь...

Лотъ. Да вотъ подыщу себѣ квартиру. Гдѣ живетъ Шиммельпфеннигъ? Всего лучше я пойду къ нему. Онъ, конечно, мнѣ поможетъ. Вѣроятно, я сейчасъ же найду что-нибудь подходящее, ну, а сегодня я переночую въ гостиницѣ.

Гофманъ. Это почему же? Нѣтъ, до завтрашняго утра ты, конечно, остаешься у насъ. Я самъ въ этомъ домѣ гость, а то бы, разумѣется, предложилъ тебѣ... понимаешь...

Лотъ. Конечно.

Гофманъ. Послушай, неужели ты въ самомъ дѣлѣ серьезно?..

Лотъ. Буду ночевать въ гостиницѣ?

Гофманъ. Это вздоръ!.. Нѣтъ, я вспомнилъ о томъ, что̀ ты говорилъ о твоей работѣ?

Лотъ. А почему же нѣтъ?

Гофманъ. По правдѣ сказать, я принялъ это за шутку. (Поднимается, довѣрчиво, полушутя) Какъ? И ты дѣйствительно былъ бы способенъ здѣсь... какъ разъ здѣсь, гдѣ твой другъ такъ счастливо твердо сталъ на ноги, подкапывать почву?

Лотъ. Даю тебѣ честное слово, Гофманъ! Я не имѣлъ никакого понятія о томъ, что ты живешь здѣсь. Если бы я это зналъ...

Гофманъ (вскакиваетъ, въ высшей степени довольный). Хорошо! Хорошо! Если дѣло обстоитъ такъ... меня искренно радуетъ, что я въ тебѣ не обманулся... Итакъ, теперь ты это знаешь и, само собой разумѣется, возьмешь у меня дорожные расходы,—ну и остальное. Ради Бога, не стѣсняйся! Это

просто моя обязанность, какъ друга... Я узнаю въ этомъ моего стараго, благороднаго Лота! А я сознаюсь: я нѣкоторое время серьезно подозрѣвалъ тебя... Но, повѣрь, откровенно тебѣ сказать, я совсѣмъ не такъ дуренъ, какъ себя иногда выставляю. Я всегда высоко цѣнилъ тебя и твое честное, упорное стремленіе. Я всей душой понимаю и признаю правильными требованія ограбленныхъ и удрученныхъ массъ. Да, улыбайся, но я иду даже дальше и думаю, что въ рейхстагѣ существуетъ только одна партія, у которой есть идеалы, и это та, къ которой принадлежишь ты... Только—по-моему—не торопиться и ничего не разрушать. Все, все придетъ въ свое время. Только терпѣніе и терпѣніе!

Лотъ. Терпѣніе, конечно, нужно имѣть. Но это еще не даетъ права сидѣть сложа руки.

Гофманъ. И я думаю то же самое. Я вообще мысленно гораздо чаще соглашался съ тобой, чѣмъ на словахъ. Сознаюсь, хорошаго въ этомъ мало. Но я привыкъ... я не люблю показывать своихъ картъ... Также и въ женскомъ вопросѣ... во многомъ ты совершенно правъ... (Между тѣмъ подошелъ къ телефону, звонитъ и говоритъ то въ телефонъ, то къ Лоту). А какъ внимательна была невѣстка... (Въ телефонъ) Францъ, черезъ десять минутъ чтобы лошади были готовы... (Къ Лоту) Это произвело на нее впечатлѣніе... (Въ телефонъ) Что̀? Ахъ, глупости! Ну, да слушайте же, запрягите тогда вороныхъ... (Къ Лоту) Почему бы это и не могло произвести на нее впечатлѣніе?.. (Въ телефонъ) Плетенка, вы говорите, въ починкѣ? Барыня... да... ну да! И поскорѣй, да. Хорошо! (Послѣ того, какъ онъ надавилъ пуговку домашняго звонка, къ Лоту) Подожди, дай мнѣ только вывести приличную гору изъ монетъ, тогда случится нѣчто... (Входитъ Эдуардъ). Мои гамаши и сюртукъ! (Эдуардъ уходитъ). Тогда случится нѣчто, во что вы не вѣрите. Когда ты черезъ два-три дня — до тѣхъ поръ ты безусловно живешь у насъ, иначе я сочту это за личное оскорбленіе... (Снимаетъ халатъ). Итакъ, черезъ два-три дня, когда ты отсюда уѣдешь, я отвезу тебя на вокзалъ въ своей каретѣ.

(Эдуардъ входитъ съ сюртукомъ и гамашами).

Гофманъ (пока на него надѣваютъ сюртукъ). Такъ! (Садится на стулъ). Теперь башмаки. (Надѣваетъ одинъ). Одинъ готовъ!

Лотъ. Ты меня, вѣроятно, не совсѣмъ понялъ.

Гофманъ. Да? Весьма возможно!.. Эдуардъ, почта еще не пришла? Постойте! Подите въ мою комнату. Налѣво

4

на бюро лежитъ рукопись въ голубой обложкѣ, отнесите ее въ карету, въ карманъ. (Эдуардъ уходитъ въ правую дверь, затѣмъ выходитъ и уходитъ въ среднюю дверь).

Лотъ. Я говорю только: ты не понялъ меня въ одномъ отношенiи.

Гофманъ (все еще возясь со вторымъ башмакомъ). Уфъ! Такъ... (Встаетъ и притопываетъ башмаками). Вотъ мы и готовы. Нѣтъ ничего непрiятнѣе узкихъ башмаковъ... Что ты говорилъ?

Лотъ. Ты говорилъ о моемъ отъѣздѣ...

Гофманъ. Ну?..

Лотъ. Вѣдь я тебѣ ужъ сказалъ, что я долженъ здѣсь остаться съ совершенно опредѣленной цѣлью.

Гофманъ (въ высшей степени смущенъ и въ то же время раздраженъ). Послушай... Вѣдь это же недостойно... Обязанъ же ты, какъ другъ...

Лотъ. Измѣнить моему дѣлу?..

Гофманъ (внѣ себя). Въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ и я не имѣю ни малѣйшей причины обращаться съ тобой, какъ съ другомъ. И я считаю твой поступокъ, выражаясь деликатно, поразительно безстыднымъ.

Лотъ (очень спокойно). Можетъ-быть, ты мнѣ объяснишь, что собственно тебѣ дало право награждать меня такими эпитетами...

Гофманъ. Я еще долженъ тебѣ это объяснить? Чтобы не чувствовать этого, надо имѣть кожу носорога. Ты прiѣзжаешь сюда, пользуешься моимъ гостепрiимствомъ, выбалтываешь мнѣ нѣсколько дюжинъ своихъ дешевыхъ фразъ, вертишь голову моей невѣсткѣ, болтаешь о прежней дружбѣ и тому подобномъ, а потомъ совершенно наивно разсказываешь, что хочешь писать работу о здѣшнихъ условiяхъ. Да за кого же ты меня, собственно, принимаешь? Можетъ-быть, ты думаешь, я не знаю, что эти такъ-называемыя работы—не что иное, какъ безстыдные памфлеты?!. Такой же пасквиль хочешь написать и ты, и какъ разъ о нашемъ угольномъ округѣ. Неужели же ты дѣйствительно не понимаешь, на комъ прежде всего отзовется самымъ роковымъ образомъ подобный пасквиль? Вѣдь только на мнѣ! Слѣдовало бы еще основательнѣе положить конецъ всѣмъ вашимъ продѣлкамъ, развратители народа! А вы именно такiе! Что вы дѣлаете? Вы поселяете въ рудокопахъ недовольство, взыскательность, раздражаете ихъ, озлобляете, дѣлаете ихъ строптивыми, непослушными, не-

счастными, рисуете передъ ними золотыя горы, а сами вырываете изъ ихъ кармановъ послѣдніе жалкіе гроши.

Лотъ. Изволилъ снять маску?

Гофманъ (грубо). Ахъ, что! Ты смѣшной, напыщенный арендаторъ добродѣтели. Ну такъ что-жъ, что я стою передъ тобой безъ маски! Работай-ка ты лучше! И оставь свою нелѣпую чепуху! Дѣлай что-нибудь! Достигни какихъ-нибудь результатовъ! Я ни у кого не клянчу по двѣсти марокъ. (Быстро уходитъ въ среднюю дверь).

(Лотъ нѣсколько минутъ смотритъ спокойно ему вслѣдъ, потомъ не менѣе спокойно берется за боковой карманъ, вынимаетъ портфель и достаетъ изъ него кусокъ бумаги—чекъ Гофмана, рветъ его на мелкіе куски и медленно бросаетъ ихъ въ ящикъ съ углемъ. Потомъ онъ беретъ палку и шляпу и поворачивается, чтобы идти. Теперь появляется Елена на порогѣ зимняго сада).

Елена (тихо). Г-нъ Лотъ!

Лотъ (вздрагиваетъ, оборачивается). А! это вы! По крайней мѣрѣ я могу съ вами проститься.

Елена (невольно). А вамъ это необходимо?

Лотъ. Да! необходимо! Вѣроятно,—вы были тамъ,—вы слышали сцену, и, значитъ...

Елена. Я все слышала.

Лотъ. Ну, тогда вы не удивитесь, если я потихоньку оставлю этотъ домъ.

Елена. Нѣтъ, я понимаю... Можетъ-быть, вы могли помягче отнестись къ нему... Мой зять очень быстро раскаивается. Я это часто...

Лотъ. Очень можетъ быть! Вотъ именно поэтому я и думаю, что его слова и составляютъ его настоящее мнѣніе обо мнѣ. Несомнѣнно, это его искреннее мнѣніе.

Елена. Вы это серьезно думаете?

Лотъ. Да! Серьезно! Итакъ... (Идетъ къ ней и протягиваетъ руку). Живите счастливо! (Онъ поворачивается и снова останавливается). Я не знаю... или, вѣрнѣе... (Смотритъ ясно и спокойно въ лицо Елены). Я знаю, знаю только съ этой минуты, что мнѣ не совсѣмъ легко уходить отсюда... и...

Елена. Если бы я васъ очень попросила... очень сильно... остаться здѣсь еще?

Лотъ. Вы, значитъ, не раздѣляете мнѣнія вашего зятя?

Елена. Нѣтъ! И я хотѣла непремѣнно... непремѣнно вамъ это сказать, прежде... прежде, чѣмъ вы уйдете.

Лотъ (опять схватываетъ ея руки). Меня это страшно радуетъ.

Елена (борясь съ собой. Возбужденіе ея быстро переходитъ въ безсознательность. Лепечетъ съ трудомъ). И еще хотѣла я вамъ...

сказать вамъ именно... именно, что я васъ очень высоко цѣню и уважаю, какъ никого до сихъ поръ... до сихъ поръ... что я вамъ довѣряю, что я готова это... это доказать, что я чувствую къ тебѣ, къ вамъ... (Падасть безъ чувствъ къ нему на руки).

Лотъ. Елена!

(Занавѣсъ быстро опускается)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дворъ, какъ и во второмъ дѣйствіи. Дѣйствіе происходитъ черезъ четверть часа послѣ объясненія Елены въ любви.

Марія и скотникъ Голишъ стаскиваютъ по лѣстницѣ деревянный сундукъ. Изъ дома выходитъ Лотъ и медленно, съ задумчивымъ видомъ, идетъ прямо черезъ дворъ. Не дойдя до поворота къ трактиру, онъ наталкивается на Гофмана, который поспѣшно идетъ ему навстрѣчу.

Гофманъ (въ цилиндрѣ и лайковыхъ перчаткахъ). Не сердись на меня (загораживаетъ дорогу Лоту и протягиваетъ ему обѣ руки). Я беру все назадъ... Ну, требуй отъ меня удовлетворенія... Я готовъ чѣмъ угодно удовлетворить тебя... Я раскаиваюсь... раскаиваюсь буквально во всемъ.

Лотъ. Толку въ этомъ для насъ обоихъ немного.

Гофманъ. Ахъ, Господи, но если бы только... Ну погоди. Что же я могу еще сдѣлать? Говорю же тебѣ—совѣсть не даетъ мнѣ покоя... я весь измучился... Ужъ по этому можешь понять, что это для меня страшно серьезный вопросъ. Куда ты хотѣлъ?..

Лотъ. Въ трактиръ... пока...

Гофманъ. Нѣтъ, этого ты не сдѣлаешь! Не дѣлай этого. Я вѣрю, тебя это должно было глубоко оскорбить... Можетъ-быть, и не такъ... легко исправить все это нѣсколькими словами... Ну, дай же мнѣ случай... доказать тебѣ... Слышишь? Обернись! Ну, останься хоть... до завтра. Или до тѣхъ поръ, пока я вернусь. Я долженъ на досугѣ высказаться передъ тобой еще разъ... Не можешь же ты мнѣ и въ этомъ отказать...

Лотъ. Если это такъ тебѣ важно...

Гофманъ. Страшно важно, клянусь тебѣ честью! Отъ этого все зависитъ. Ну, пойдемъ... пойдемъ. Не уѣзжай такъ. Пойдемъ. (Онъ увлекаетъ въ домъ Лота, который больше не сопротивляется. Оба уходятъ).

(Отпущенная служанка и скотникъ между тѣмъ поставили сундукъ на телѣжку, Голишъ берется за лямку).

Марія (суетъ что-то въ руку Гошу). Вотъ тебѣ, Гоша.

Скотникъ (не принимаетъ). Бери свои гроши!

Марія. Э, глупый!

Скотникъ. Ну, какъ хочешь. (Беретъ деньги и кладетъ ихъ въ кожаный кошелекъ).

Г-жа Шпиллеръ (въ одномъ изъ оконъ). Марія!

Марія. Ну, чего вы еще хотите?

Г-жа Шпиллеръ (выходитъ черезъ минуту изъ двери). Барыня оставитъ тебя, если ты пообѣщаешь...

Марія. Дрянь какая! Если я пообѣщаюсь! Ну, поѣзжай, Гошъ!

Г-жа Шпиллеръ (подходитъ ближе). Барыня и жалованья прибавитъ, если ты... (Неожиданно шопотомъ). Плюнь ты на это. Она иногда любитъ поворчать.

Марія (въ бѣшенствѣ). Не надо мнѣ ея грошей! (Плаксиво, идетъ за Гошемъ, который проѣзжаетъ съ тачкой. Уходитъ. Г-жа Шпиллеръ уходитъ за ней).

(Въ главный входъ входитъ Баэръ, по прозванію Гопслабаэръ. Длинный человѣкъ съ зобомъ. Онъ босой и безъ шапки, панталоны внизу сильно потрепанныя, спускаются немного ниже колѣнъ. У него лысина. Сохранившіеся волосы темные, грязные, спутанные, висятъ до плечъ. Походка его напоминаетъ страуса. Онъ везетъ за бечевку дѣтскую тележку съ пескомъ. Онъ безъ бороды и усовъ. Видъ заброшеннаго безъ призора крестьянскаго парня лѣтъ двадцати).

Баэръ (удивительно мычащимъ голосомъ). Песо-окъ! Песо-окъ! (Идетъ черезъ дворъ и исчезаетъ между домомъ и конюшней. Гофманъ и Елена выходятъ изъ дому. Елена блѣдна, держитъ въ рукѣ пустой стаканъ).

Гофманъ (Еленѣ). Займи его немного, понимаешь?.. Не дай ему уѣхать... Это мнѣ очень важно. Онъ такъ обидчивъ, честолюбивъ... Прощай! Ахъ, неужели же мнѣ изъ-за этого совсѣмъ не ѣхать?.. Какъ себя чувствуетъ Марта? У меня какое-то странное предчувствіе, какъ будто все скоро... Пустяки... Прощай!.. Надо спѣшить! (Кричитъ) Францъ, ѣхать во весь духъ! (Быстро уходитъ въ главный входъ).

Елена (подходитъ къ насосу, наливаетъ полный стаканъ и выпиваетъ его залпомъ. Второй стаканъ воды выпиваетъ до половины. Ставитъ стаканъ на трубу насоса и медленно идетъ, оглядываясь по временамъ назадъ, через ворота. Баэръ выходитъ между домомъ и конюшней и останавливается съ телѣжкой передъ домомъ. Миля беретъ у него песокъ. Между тѣмъ Кааль появляется справа за заборомъ и разговариваетъ съ г-жой Шпиллеръ, стоящей снаружи, то-есть при входѣ во дворъ. Оба во время разговора медленно ходятъ вдоль забора).

Г-жа Шпиллеръ (сочувственно). Ахъ, да, г-нъ Кааль! Я столько разъ вспоминала васъ, когда... когда... фрейлейнъ...

Вѣдь она... такъ сказать... помолвлена съ вами и вотъ... ахъ!.. въ мое время!..

Кааль (влѣзаетъ на скамью подъ дубомъ и укрѣпляетъ западню для синицъ на нижней вѣткѣ). Когда же уѣзжаетъ этотъ мерзавецъ-докторъ?

Г-жа Шпиллеръ. Ахъ, г-нъ Кааль, кажется, еще не скоро. Ахъ, г-нъ Кааль, хотя я, такъ сказать, низкаго происхожденія, но я знаю, такъ сказать, что̀ такое воспитаніе. Въ этомъ отношеніи, г-нъ Кааль... она... ммм... она... поступаетъ относительно васъ не очень хорошо. Нѣтъ! Въ этомъ, такъ сказать, я никогда не была грѣшна — моя совѣсть, уважаемый г-нъ Кааль, чиста... такъ сказать, какъ самый чистый снѣгъ.

(Баэръ покончилъ съ пескомъ и въ ту же минуту уходитъ со двора, проходя мимо Кааля).

Кааль (замѣчаетъ Баэра и кричитъ). Гопслабаэръ, прыгни-ка!

(Баэръ дѣлаетъ нѣсколько гигантскихъ прыжковъ).

Кааль (ржетъ отъ смѣха, кричитъ во второй разъ). Гопслабаэръ, ну-ка, прыгни!

Г-жа Шпиллеръ. Да, да, г-нъ Кааль... Я желаю вамъ только добра... Вы должны наблюдать... съ ней что-то творится, и...

Кааль. Мерзавецъ-докторъ!.. Голытьба паршивая!

Г-жа Шпиллеръ (таинственно). И вѣдь какой человѣкъ! Ахъ, мнѣ такъ жалко барышню! Жена полицейскаго мнѣ сказала, что это очень опасный человѣкъ. Ея мужъ... такъ сказать... представьте себѣ... долженъ слѣдить за нимъ.

(Лотъ выходитъ изъ дому, оглядывается кругомъ).

Г-жа Шпиллеръ. Видите, онъ ищетъ барышню... А-ахъ, смотрѣть жалко!

Кааль. Ну, подожди! (Уходитъ).

(Г-жа Шпиллеръ идетъ къ дому. Проходя мимо Лота, дѣлаетъ ему низкій реверансъ. Уходитъ въ домъ).

(Лотъ медленно уходитъ въ ворота. Скотница, худая, изможденная, изголодавшаяся женщина, появляется между конюшней и домомъ. Подъ фартукомъ она несетъ большой горшокъ и проскальзываетъ съ нимъ, боязливо оглядываясь, въ коровникъ. Обѣ дѣвушки входятъ въ ворота, каждая везетъ передъ собой тачку, полную клевера. За ними идетъ Бейбстъ съ короткой трубкой въ зубахъ и косой на плечѣ. Лиза подкатываетъ свою тачку къ лѣвой двери конюшни, а Августа къ правой, и обѣ дѣвушки переносятъ въ стойла траву большими охапками).

Лиза (выходитъ съ пустыми руками изъ конюшни). Эй, Густа, Марія ушла.

Августа. А то что̀ же?..

Лиза. Поди-ка, спроси скотницу. Она доитъ себѣ горшокъ молока.

Бейбстъ (вѣшаетъ косу на стѣну). Ну, попадется она Шпиллеръ... Эта не похвалитъ.

Августа. Избави, Боже!

Лиза. У бѣдной женщины восемь человѣкъ дѣтей.

Августа. Восемь маленькихъ дѣтей... Всѣхъ накормить надо!

Лиза. Она ей никогда и горшка молока не дастъ... злая!

Августа. Гдѣ она доитъ?

Лиза. Вонъ тамъ.

Бейбстъ (набиваетъ трубку, крѣпко держитъ зубами мѣшочекъ съ табакомъ). Марія ушла?

Лиза. И это правда, правда! Конюхъ съ ней спалъ.

Бейбстъ (пряча мѣшокъ съ табакомъ въ карманъ). Что же тутъ такого? На то она и женщина. Тоже вѣдь иногда... (Закуриваетъ трубку, затѣмъ уходитъ въ главный входъ. Уходя) Я пойду закушу...

Скотница (осторожно неся подъ фартукомъ горшокъ, полный молока, выскальзываетъ изъ конюшни). Никто меня не видалъ?

Лиза. Иди, иди, никто не видитъ. Проходи скорѣе!

Скотница (проходя, дѣвушкамъ). Только для грудного малыша!

Лиза (кричитъ ей вслѣдъ). Скорѣе! Кто-то идетъ!

Августа. Ничего. Это наша барышня.

(Дѣвушки продолжаютъ носить траву и, кончивъ, толкаютъ пустыя тачки подъ ворота и уходятъ обѣ въ коровникъ. Лотъ и Елена входятъ черезъ ворота).

Лотъ. Этотъ Кааль просто невыносимъ—шпіонъ какой-то!

Елена. Пройдемте въ бесѣдку... (Входятъ черезъ калиточку въ лѣвый садикъ и проходятъ къ бесѣдкѣ). Это мое любимое мѣсто. Здѣсь я могу спокойно читать.

Лотъ. Красивое мѣсто. Правда. (Садятся въ бесѣдкѣ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Молчаніе. Затѣмъ Лотъ) Какіе у васъ красивые и густые волосы.

Елена. Да, зять это тоже говоритъ. Онъ говоритъ, что не видалъ такихъ, даже и въ городѣ... Коса у меня толщиной въ руку... Когда я ихъ распущу, такъ они до самыхъ колѣнъ. Троньте,—мягкіе, какъ шелкъ. Правда?

Лотъ. Совсѣмъ шелковые. (По немъ пробѣгаетъ дрожь. Онъ наклоняется и цѣлуетъ волосы).

Елена (испуганно). Нѣтъ, не надо! А если...

Лотъ. Елена, развѣ то было не серьезно?

Елена. Ахъ, мнѣ такъ стыдно... Что я надѣлала? Я тебѣ... вамъ сама бросилась на шею... За кого вы должны меня считать...

Лотъ (подвигается къ ней, беретъ ея руку въ свою). Ну, объ этомъ вамъ нечего безпокоиться!

Елена (вздыхая). Ахъ, что бы сказала сестра Шмиттгенъ... Не могу даже и представить себѣ...

Лотъ. Кто это сестра Шмиттгенъ?

Елена. Учительница изъ пансіона.

Лотъ. Какъ можете вы поступать только по мыслямъ сестры Шмиттгенъ!

Елена. Она была очень добрая. (Вдругъ сильно смѣется).

Лотъ. Чего ты вдругъ разсмѣялась?

Елена (полугрустно, полувесело). Ахъ!.. Когда она стояла на хорахъ и пѣла... у нея остался только одинъ длинный зубъ... она должна была пѣть: «Утѣшь, утѣшь мой народъ», а у нея выходило: «О, ѣшь, о, ѣшь мой народъ»! Такъ смѣшно было... мы всегда такъ смѣялись, когда по всей залѣ раздастся: «О, ѣшь, о, ѣшь...» (Не можетъ удержаться отъ смѣха, Лотъ заражается ея веселостью. Она кажется ему такой милой, что онъ хочетъ воспользоваться минутой и обнять ее. Елена отклоняется). Ахъ, нѣтъ!.. Я тебѣ... вамъ сама бросилась на шею.

Лотъ. Не говорите такъ.

Елена. Я не виновата, вы сами въ этомъ виноваты. Зачѣмъ вы потребовали...

(Лотъ еще разъ обнимаетъ ее, крѣпко прижимаетъ ее къ себѣ. Сначала она немного противится, затѣмъ уступаетъ и съ спокойнымъ блаженствомъ смотритъ въ сіяющее счастьемъ лицо Лота, которое склоняется къ ней. Вдругъ, сдѣлавшись смѣлой, она первая цѣлуетъ его въ губы. Оба краснѣютъ, затѣмъ Лотъ возвращаетъ ей поцѣлуй, приникая къ ея губамъ долгимъ, крѣпкимъ, горячимъ поцѣлуемъ. Нѣкоторое время обмѣнъ поцѣлуями является единственнымъ, нѣмымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивымъ разговоромъ обоихъ. Лотъ заговариваетъ первый).

Лотъ. Лена. Нѣтъ!.. Тебя здѣсь зовутъ Леной?

Елена (цѣлуетъ его). Зови меня по-другому... Зови, какъ тебѣ хочется.

Лотъ. Дорогая!.. (Повторяется игра поцѣлуевъ и любованія другъ другомъ).

Елена (ее крѣпко обнялъ Лотъ, она положила голову къ нему на грудь, съ затуманенными, счастливыми глазами, шепчетъ въ упоеніи). Ахъ, какъ хорошо! Какъ хорошо!

Лотъ. Такъ умереть съ тобой!

Елена (страстно). Жить... (Освобождается изъ его объятій). Зачѣмъ же умирать теперь?.. теперь...

Лотъ. Не пойми этого ложно. Ужъ съ давнихъ поръ я опьяняю себя... особенно въ счастливыя минуты, опьяняю себя мыслью стать лицомъ къ лицу со смертью.

Елена. Лицомъ къ лицу со смертью?

Лотъ (безъ всякой сентиментальности). Да, и тогда она не представляется мнѣ ужасной, а, напротивъ, въ ней есть что-то дружеское. Зовешь ее и навѣрное знаешь, что она придетъ. Смертью отъ всего можно освободиться, отъ прошедшаго—и будущаго... (Смотря на руку Елены) У тебя замѣчательно красивая рука (гладитъ ея руку).

Елена (снова бросается въ его объятія).

Лотъ. Нѣтъ, знаешь. Я не жилъ... до сихъ поръ.

Елена. А ты думаешь, я жила?.. У меня просто голова кружится отъ счастья. Господи! И какъ это такъ вдругъ...

Лотъ. Да, такъ вдругъ...

Елена. Послушай, мнѣ кажется, что вся моя жизнь—это одинъ день, а вчера и сегодня—это цѣлый годъ. Правда?

Лотъ. Я пріѣхалъ только вчера?

Елена. Ну, разумѣется. Въ томъ-то и дѣло... А ты этого и не зналъ?

Лотъ. Право, мнѣ тоже кажется...

Елена. Да? Что прошелъ цѣлый годъ? Правда? (Полупривставъ) Постой... кажется, кто-то идетъ... (Отодвигаются другъ отъ друга). Ахъ, мнѣ все равно. Я теперь такая храбрая. (Она остается сидѣть и взглядомъ подзываетъ Лота сѣсть ближе, что онъ сейчасъ же и исполняетъ).

Елена (въ объятіяхъ Лота). Ну... что же мы прежде всег сдѣлаемъ?

Лотъ. Твоя мачеха, вѣроятно, мнѣ откажетъ.

Елена. Ахъ, моя мачеха... это ея совсѣмъ не касается. Я дѣлаю, что хочу... Я имѣю часть въ наслѣдствѣ матери.

Лотъ. Поэтому ты думаешь...

Елена. Я совершеннолѣтняя, отецъ долженъ мнѣ ее выплатить.

Лотъ. Ты, вѣроятно, не въ ладахъ здѣсь со всѣми?.. А куда уѣхалъ твой отецъ?

Елена. Уѣ... ты... Такъ ты еще не видалъ отца?

Лотъ. Нѣтъ. Гофманъ мнѣ сказалъ...

Елена. Ты... навѣрное... его ужъ видѣлъ.

Лотъ. Я не зналъ!.. Гдѣ же, дорогая?

Елена. Я... (Разражается слезами). Нѣтъ, я не могу... не могу тебѣ этого сказать... это такъ ужасно!

Лотъ. Ужасно? Но, Елена, развѣ твой отецъ чѣмъ-нибудь...

Елена. Ахъ, не спрашивай! Не теперь! Потомъ...

Лотъ. Если ты сама не хочешь мнѣ чего-нибудь сказать, то я тебя объ этомъ, конечно, не буду спрашивать... Послушай, относительно денегъ... въ худшемъ случаѣ... я зарабатываю статьями не очень много, но, я думаю, въ концѣ концовъ этого намъ обоимъ хватитъ.

Елена. Я тоже не буду бездѣльничать. Но тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Наслѣдства вполнѣ хватитъ. А ты отъ своей задачи ни въ какомъ случаѣ не долженъ отказываться, и именно теперь... теперь-то именно у тебя должны быть развязаны руки.

Лотъ (задушевно цѣлуетъ ее). Милая, благородная душа!..

Елена. Ты, правда, меня любишь?.. Правда?.. Правда?..

Лотъ. Правда.

Елена. Скажи сто разъ правда?

Лотъ. Правда, правда и истинная правда!

Елена. Знаешь, ты сочиняешь.

Лотъ. Истинная правда стоитъ ста простыхъ правдъ.

Елена. Да? Конечно, въ Берлинѣ?

Лотъ. Нѣтъ, именно въ Витцдорфѣ.

Елена. Ахъ, ты... Посмотри на мой мизинецъ и не смѣйся.

Лотъ. Хорошо.

Елена. Ты кромѣ твоей первой невѣсты еще другихъ лю... Ты, ты смѣешься!

Лотъ. Я тебѣ хочу серьезно сказать, дорогая... я считаю это своимъ долгомъ... Я со многими женщинами...

Елена (быстро вскакиваетъ, зажимаетъ ему ротъ). Ради Бога... скажи мнѣ объ этомъ потомъ, когда мы состаримся... черезъ много лѣтъ, когда я тебѣ скажу: говори... Слышишь,— не раньше!

Лотъ. Хорошо. Какъ хочешь.

Елена. А теперь лучше что-нибудь хорошее... Слушай: скажи мнѣ еще разъ...

Лотъ. Что?

Елена. «Я тебя...»

Лотъ. «Я тебя...»

Елена. «И всёгда только тебя...»

Лотъ. «И всегда только тебя...»

Елена. «Любилъ, любилъ всю мою жизнь...»

Лотъ. «Любилъ, любилъ всю мою жизнь...»

Елена. «И всю жизнь буду любить только тебя...»

Лотъ. «И всю жизнь буду любить только тебя» и это такъ же вѣрно, какъ то, что я честный человѣкъ.

Елена (радостно). Этого я не говорила.

Лотъ. А я говорю. (Цѣлуются).

Елена (напѣваетъ совсѣмъ тихо). Ты живешь въ моемъ сердцѣ...

Лотъ. Теперь ты должна признаться.

Елена. Во всемъ, въ чемъ хочешь.

Лотъ. Признайся. Я первый?

Елена. Нѣтъ.

Лотъ. Кто?

Елена (задорно смѣется). Кааль Вильгельмъ!

Лотъ (смѣется). Кто еще?

Елена. Нѣтъ, больше, право, никого нѣтъ. Ты долженъ мнѣ вѣрить... Право, нѣтъ. Зачѣмъ бы я стала тебѣ лгать?

Лотъ. Итакъ, значитъ, еще кто-то?

Елена (горячо). Прошу, прошу, ну, умоляю тебя, не спрашивай меня объ этомъ. (Закрываетъ лицо руками и плачетъ, повидимому, невольно).

Лотъ. Но, но, Леночка, я вѣдь не принуждаю тебя.

Елена. Потомъ, все, все потомъ.

Лотъ. Какъ хочешь, дорогая...

Елена. Ну да, былъ одинъ, видишь ли, котораго я... потому что... потому что онъ показался менѣе дурнымъ изъ всѣхъ дурныхъ. Но теперь это совсѣмъ другое. (Плачетъ на груди у Лота, порывисто) Ахъ, если бы я могла больше не разставаться съ тобой! Я бы больше всего желала сейчасъ же уйти съ тобой.

Лотъ. Тебѣ, должно-быть, очень плохо въ этомъ домѣ?

Елена. Ахъ, здѣсь все идетъ такъ ужасно. Живутъ, какъ скоты,—я бы погибла здѣсь безъ тебя... Меня ужасъ беретъ...

Лотъ. Мнѣ кажется, ты успокоилась бы, дорогая, если бы все откровенно разсказала мнѣ.

Елена. Да, конечно, но... я не могу рѣшиться на это. Не теперь... еще не теперь. Я, право, боюсь.

Лотъ. Ты была въ пансіонѣ?

Елена. Моя мать захотѣла — еще на смертномъ одрѣ.

Лотъ. И твоя сестра тоже?..

Елена. Нѣтъ. Она всегда жила дома... И когда я пять лѣтъ тому назадъ вернулась домой, я нашла отца, который... мачеху, которая... сестру... отгадай, что̀ я хочу сказать!

Лотъ. Твоя мачеха сварливая. Нѣтъ?.. Можетъ-быть, ревнивая?.. Злая?

Елена. Отецъ?..

Лотъ. Ну, онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, пляшетъ подъ ея дудку. Можетъ-быть, она его тиранитъ?

Елена. Если бы больше ничего не было... Нѣтъ! Это слишкомъ ужасно! Ты не можешь и представить себѣ, что... что мой отецъ... что это былъ мой отецъ, котораго ты...

Лотъ. Только не плачь, Леночка... Видишь ли, теперь я почти серьезно готовъ заставить тебя, чтобы ты мнѣ...

Елена. Нѣтъ, этого не нужно. У меня еще нѣтъ силы... это тебѣ...

Лотъ. Ты такъ мучишь себя

Елена. Мнѣ безконечно стыдно! Ты... ты оттолкнешь, прогонишь меня... этого и вообразить себѣ нельзя... Это отвратительно!

Лотъ. Леночка, ты не знаешь меня, иначе ты не подумала бы этого обо мнѣ. Оттолкнуть, прогнать! Развѣ я кажусь тебѣ такимъ грубымъ?

Елена. Зять Гофманъ сказалъ, что ты разсудительный... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ты вѣдь не сдѣлаешь этого. Правда? Ты вѣдь не пройдешь по мнѣ? Не дѣлай этого. Я не знаю, что̀ тогда будетъ со мной.

Лотъ. Да вѣдь это же безуміе! У меня нѣтъ никакихъ причинъ...

Елена. Такъ, значитъ, ты все-таки считаешь это возможнымъ?

Лотъ. Нѣтъ... Конечно, нѣтъ!

Елена. Но разъ ты можешь себѣ представить такія причины...

Лотъ. Есть, конечно, причины, но онѣ сюда не относятся.

Елена. И эти причины?

Лотъ. Ну, если бы кто-нибудь хотѣлъ меня заставить измѣнить самому себѣ, съ тѣмъ бы я разстался.

Елена. Этого я, конечно, не хочу... Но, навѣрно, я не освобожусь отъ одного чувства.

Лотъ. Какого чувства?

Елена. Можетъ-быть, это оттого, что я такая глупая. У меня въ головѣ ничего нѣтъ. Я не знаю, что̀ такое убѣжденія... Правда? Вѣдь это ужасно. Я люблю тебя просто, но ты такъ добръ, такъ великъ,—у тебя въ головѣ такъ много... Я такъ боюсь, что ты можешь замѣтить... я говорю что-нибудь глупое или дѣлаю, а это не годится...

что я слишкомъ проста для тебя... Я, право, страсть какая дурная и глупая.

Лотъ. Что я могу отвѣтить на это? Ты для меня все во всемъ. Все во всемъ ты для меня. Больше я ничего не знаю.

Елена. И здоровье мое тоже...

Лотъ. Послушай, твои родители здоровые?

Елена. Да, конечно, то-есть мать умерла отъ родовой горячки. Отецъ тоже еще здоровъ. У него, должно-быть, очень крѣпкое здоровье. Но...

Лотъ. Ну вотъ видишь, значитъ...

Елена. А если бы родители не были здоровые?

Лотъ (цѣлуетъ Елену). Да вѣдь они же здоровые, Леночка.

Елена. А если бы нѣтъ?..

(Г-жа Краузе открываетъ окно въ домѣ и кричитъ во дворъ).

Г-жа Краузе. Эй, дѣвки! Эй, дѣ-ѣвки!

Лиза (изъ коровника). Г-жа Краузе?

Г-жа Краузе. Бѣги за Мюллеръ! Началось!

Лиза. Къ акушеркѣ Мюллеръ?

Г-жа Краузе. А то къ кому же еще? (Захлопываетъ окно).

(Лиза бѣжитъ въ конюшню и затѣмъ съ платкомъ на головѣ выбѣгаетъ на дворъ. Г-жа Шпиллеръ появляется въ дверяхъ дома).

Г-жа Шпиллеръ (зоветъ). Фрейлейнъ Елена!.. Фрейлейнъ Елена!

Елена. Что такое могло случится?

Г-жа Шпиллеръ (идетъ къ бесѣдкѣ). Фрейлейнъ Елена!

Елена. Ахъ, вотъ что,—сестра! Иди, тамъ кругомъ! (Лотъ быстро уходитъ налѣво спереди. Елена выходитъ изъ бесѣдки).

Г-жа Шпиллеръ. Фрейлейнъ!.. Ахъ, вотъ вы гдѣ!

Елена. Что случилось?

Г-жа Шпиллеръ. А-ахъ... у вашей сестры... (Шепчетъ ей что-то на ухо).

Елена. Зять велѣлъ сейчасъ же послать за докторомъ.

Г-жа Шпиллеръ. Но, фрейлейнъ, она вѣдь не хочетъ... она не хочетъ никакого доктора... Доктора... а-ахъ, доктора! Съ Божьей помощью...

(Миля выходитъ изъ дому).

Елена. Миля, идите сейчасъ же за докторомъ Шиммельпфеннигомъ.

Г-жа Шпиллеръ. Но...

Г-жа Краузе (изъ окна повелительно). Миля! Ступай наверхъ!

Елена (такъ же). Миля, вы пойдете къ доктору! (Миля бросается назадъ въ домъ). Ну, въ такомъ случаѣ я сама... (Уходитъ въ домъ и сейчасъ же возвращается съ соломенной шляпой въ рукахъ).

Г-жа Шпиллеръ. Тогда... и... дѣло будетъ плохо! Если вы приведете доктора, барышня, тогда дѣло будетъ, конечно, плохо.

(Елена проходитъ мимо нея. Г-жа Шпиллеръ возвращается, качая головой, въ домъ. Когда Елена поворачиваетъ къ выходу со двора, Кааль появляется за заборомъ).

Кааль (кричитъ Еленѣ). Что̀ такое началось у васъ?

(Елена не останавливается и не удостоиваетъ Кааля ни взглядомъ ни словомъ).

Кааль (смѣется). У васъ, должно-быть, свиней бьютъ? А?

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната, что и въ первомъ дѣйствіи. Около двухъ часовъ ночи. Въ комнатѣ темно. Черезъ открытую среднюю дверь проходитъ свѣтъ изъ освѣщенныхъ сѣней. Ярко освѣщена также деревянная лѣстница въ первомъ этажѣ. Все это дѣйствіе, за немногими исключеніями, ведется въ пониженномъ тонѣ.

(Эдуардъ со свѣчой входитъ въ среднюю дверь. Зажигаетъ висячую лампу надъ угловымъ столомъ. Газовое освѣщеніе. Пока онъ этимъ занятъ, входитъ Лотъ также въ среднюю дверь).

Эдуардъ. Нельзя же такъ ни на минуту глазъ не сомкнуть!

Лотъ. Мнѣ не хотѣлось спать. Я писалъ.

Эдуардъ. Ахъ, такъ! (Зажигаетъ). Такъ... Конечно. А тяжело это, должно-быть... Можетъ-быть, г-нъ докторъ желаетъ чернила и перо?

Лотъ. Если вы будете такъ любезны.

Эдуардъ (ставя на столъ чернила и перья). Я всегда такъ думаю: кто честный человѣкъ, тому приходится собственной кровью каждый грошъ зарабатывать. Ему даже и ночью нѣтъ покоя. (Все довѣрчивѣе) А они тутъ всѣ ровно ничего не дѣлаютъ, гнилые, безполезные люди... Вотъ и вамъ, г-нъ докторъ, какъ и всѣмъ честнымъ людямъ, приходится, конечно, много работать, чтобы прожить какъ-нибудь.

Лотъ. Да, я бы не прочь, чтобы не приходилось такъ работать.

Эдуардъ. А я, вы думаете, прочь?

Лотъ. Барышня, должно-быть, у сестры?

Эдуардъ. Конечно. Она хорошая дѣвушка. Не оставляйте ее.

Лотъ (смотритъ на часы). Роды начались въ одиннадцать часовъ утра. Значитъ, они продолжаются... они уже продолжаются пятнадцать часовъ. Пятнадцать долгихъ часовъ!

Эдуардъ. Ай-ай-ай! А ихъ еще называютъ слабымъ поломъ.

Лотъ. Гофманъ тоже наверху?

Эдуардъ. Я вамъ говорю: женщины здоровый народъ.

Лотъ. Да, и все-таки, если даже это и такъ, это не пустяки.

Эдуардъ. Ну да! И я это говорю! Сейчасъ докторъ Шиммельпфеннигъ пріѣхалъ. Вотъ это человѣкъ, скажу я вамъ: твердъ, какъ камень, а вмѣстѣ съ тѣмъ просто сахаръ, а не человѣкъ. Скажите, и вы тоже изъ Берлина? (Гофманъ и докторъ сходятъ внизъ по лѣстницѣ). Ахъ, ты, Господи!

(Гофманъ и д-ръ Шиммельпфеннигъ входятъ).

Гофманъ. Ну, теперь-то вы, конечно, ужъ останетесь у насъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да. Теперь я могу

Гофманъ. Если бы вы знали, насколько спокойнѣе при васъ. Можно вамъ предложить стаканъ вина, г-нъ докторъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Если вы такъ хотите, то велите ужъ лучше сварить мнѣ чашку кофе.

Гофманъ. Съ удовольствіемъ. Эдуардъ! Кофе для г-на доктора! (Эдуардъ уходитъ). Вы?.. Вы довольны теченіемъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пока у вашей жены есть еще силы, прямой опасности нѣтъ. Почему же вы все-таки не пригласили молодую акушерку? Вѣдь я, насколько помню, рекомендовалъ вамъ одну.

Гофманъ. Теща... что же тутъ подѣлаешь? Да, по правдѣ сказать, и жена не особенно довѣряла молодой.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А такимъ ископаемымъ ваши дамы довѣряютъ? На здоровье! Вамъ очень хочется опять наверхъ?

Гофманъ. Откровенно говоря, я здѣсь внизу не очень спокоенъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Вамъ бы лучше всего уйти куда-нибудь изъ дому.

Гофманъ. Это при всемъ желаніи... Ахъ, Лотъ! Ты еще здѣсь. (Лотъ поднимается съ дивана на темномъ переднемъ планѣ и подходитъ къ обоимъ).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (въ высшей степени изумленъ). Что такое?

Лотъ. Я уже слышалъ, что ты здѣсь. Завтра я непремѣнно отыскалъ бы тебя. (Крѣпко жмутъ другъ другу руки. Гофманъ, пользуясь минутой, быстро наливаетъ у буфета рюмку

коньяку и затѣмъ пробирается наверхъ по деревянной лѣстницѣ. Вначалѣ разговоръ двухъ друзей ясно носитъ на себѣ легкій отпечатокъ сдержанности).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Такъ ты, значитъ... ха-ха-ха... забылъ старую глупую исторію? (Кладетъ въ сторону шляпу и палку).

Лотъ. Давно забылъ, Шиммель!

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну, и я тоже! (Пожимаютъ еще разъ руки). У меня въ этой дырѣ было такъ мало радостныхъ минутъ, что эта исторія мнѣ представляется просто смѣшной. Странно! И мы встрѣчаемся какъ разъ здѣсь. Странно!

Лотъ. Ты пропалъ безъ вѣсти, Шиммель. А то тебя бы давно извели.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Нырнулъ подъ воду, какъ тюлень, и дѣлалъ изслѣдованія на глубинѣ. Года черезъ полтора надѣюсь опять вынырнуть. Видите ли... видишь ли, если хочешь сдѣлать что-нибудь порядочное, прежде всего надо быть матеріально независимымъ.

Лотъ. Такъ, значитъ, ты здѣсь и капиталы собираешь?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Разумѣется, и какъ можно больше. Что же другое здѣсь можно дѣлать?

Лотъ. А все-таки ты могъ бы дать о себѣ вѣсточку.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Позвольте... позволь, если бы я о себѣ сообщилъ, мнѣ бы въ свою очередь пришлось услышать и о васъ, а я рѣшительно ничего не хотѣлъ слышать... Ничего, ровно ничего, это могло бы мнѣ помѣшать въ моей золотопромышленной дѣятельности. (Оба медленно ходятъ взадъ и впередъ по комнатѣ).

Лотъ. Такъ... Въ такомъ случаѣ тебѣ нечего удивляться, что они... да, они всѣ безъ разбора отказались отъ тебя.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Этого можно было ожидать отъ нихъ. Шайка! Ну, я еще заставлю ихъ заговорить обо мнѣ.

Лотъ. Шиммель, прозванный Грубіяномъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пожилъ бы ты шесть лѣтъ среди этихъ крестьянъ. Такія собаки всѣ...

Лотъ. Это я могу себѣ представить. Но какъ ты попалъ именно въ Вицдорфъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Какъ это всегда бываетъ. Я долженъ былъ тогда удрать изъ Іены.

Лотъ. Это было еще до моей исторіи?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Конечно. Вскорѣ послѣ того, какъ мы бросили нашу совмѣстную жизнь. Въ Цюрихѣ я началъ тогда заниматься медициной, главнымъ образомъ,

чтобы имѣть что-нибудь въ случаѣ нужды. Затѣмъ дѣло начало меня интересовать, и теперь я тѣломъ и душой медикъ.

Лотъ. А сюда?.. Какъ ты попалъ сюда?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Очень просто. Когда я кончилъ, то сказалъ себѣ: теперь прежде всего необходима достаточная сумма денегъ. Думалъ я и объ Америкѣ, Южной и Сѣверной Америкѣ, объ Африкѣ, Австраліи, южныхъ островахъ... Въ концѣ концовъ мнѣ пришло въ голову, что моей мальчишеской глупости наступила между тѣмъ давность, и рѣшилъ влѣзть назадъ въ мышеловку.

Лотъ. Но вѣдь ты экзамены свои сдавалъ въ Швейцаріи?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пришлось претерпѣть все это еще разъ здѣсь.

Лотъ. Такъ ты, значитъ, держалъ два раза государственный экзаменъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да! Въ концѣ концовъ я счастливымъ образомъ напалъ на здѣшній тучный лугъ.

Лотъ. Упорству твоему можно позавидовать.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Только не все сразу такъ сыпалось. Ну, въ концѣ концовъ это тоже не несчастье.

Лотъ. У тебя большая практика?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да. Иногда я только въ пять часовъ утра ложусь въ постель. А въ семь часовъ ужъ опять начинается мой пріемный часъ.

(Входитъ Эдуардъ и приноситъ кофе).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (садясь къ столу, Эдуарду). Благодарю, Эдуардъ! (Къ Лоту) Вотъ кофе зато я пью... въ неприличныхъ размѣрахъ.

Лотъ. Ну, этого не слѣдовало бы.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Что же дѣлать? (Пьетъ маленькими глотками). Какъ уже сказалъ—еще годикъ, и тогда конецъ... по крайней мѣрѣ надѣюсь.

Лотъ. И тогда совсѣмъ прекратишь практику?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Думаю—нѣтъ. Нѣтъ... больше не буду. (Отодвигаетъ подносъ съ кофейнымъ приборомъ, вытираетъ себѣ ротъ). Впрочемъ, покажи-ка твою руку. (Лотъ протягиваетъ ему обѣ руки). Нѣтъ? Не женился? Не нашелъ подходящей? А?.. Ты, значитъ, все еще въ жены себѣ ищешь женщину ради здоровой крови. Ты, впрочемъ, правъ... Или ты въ этомъ отношеніи не требуешь уже такъ много?

Лотъ. Ну, это смотря какъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ахъ, если бы и у здѣшнихъ крестьянъ были такіе же взгляды. Вырожденіе, говорю

тебѣ, полнѣйшее и на каждомъ шагу... (Наполовину вынулъ портсигаръ изъ бокового кармана, опускаетъ его опять назадъ и встаетъ, когда доносится какой-то крикъ черезъ едва притворенную сѣнную дверь). Постой-ка. (Идетъ на цыпочкахъ къ сѣнной двери и слушаетъ. Одну дверь открываютъ за сценой; нѣсколько секундъ ясно слышны вопли родильницы. Докторъ, обращаясь къ Лоту, тихо говоритъ) Прости! (Уходитъ).

(Лотъ нѣсколько секундъ ходитъ по комнатѣ, въ это время за сценой хлопаютъ двери, люди бѣгаютъ внизъ и вверхъ по лѣстницѣ. Затѣмъ онъ садится на кресло направо спереди. Елена прошмыгиваетъ въ комнату и обнимаетъ сзади Лота, который не замѣтилъ ея прихода).

Лотъ (оборачивается, также обнимаетъ ее). Леночка! (Притягиваетъ ее, несмотря на слабое сопротивленіе, къ себѣ на колѣни. Елена плачетъ, онъ ее цѣлуетъ). Ахъ, не плачь же, Леночка! Ну, отчего ты такъ плачешь?

Елена. Отчего? Развѣ я знаю?.. Я все думала, что тебя больше не встрѣчу. Я только-что такъ испугалась...

Лотъ. Почему же?

Елена. Потому что я слышала, какъ ты вышелъ изъ своей комнаты. А!.. И сестра... бѣдныя мы, бѣдныя женщины! Она страшно мучится.

Лотъ. Боль скоро забывается, а умирать отъ этого не умираютъ.

Елена. Ахъ, ты! Она сама хочетъ умереть... она все время стонетъ: дайте мнѣ умереть... Докторъ! (Она вскакиваетъ и проскальзываетъ въ зимній садъ).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (при входѣ). Да, ужъ лучше бы барынька тамъ наверху немного поторопилась! (Садится около стола, снова вынимаетъ сигару и кладетъ ее около себя). Ты поѣдешь со мной ко мнѣ, а? У меня тамъ есть парный экипажъ. Вмѣстѣ въ немъ и доѣдемъ. (Ударяя сигарой о край стола) Сладкое супружество — неизбѣжное зло, да, да! (Зажигаетъ спичку). Итакъ, еще свѣжъ, свободенъ, невиненъ, веселъ?

Лотъ. Это меня черезъ нѣсколько дней спроси.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (уже съ зажженной сигарой). Какъ? Ахъ, ахъ, да! (Смѣясь) По моимъ слѣдамъ пошелъ?

Лотъ. А ты все еще такъ же пессимистически относишься къ женщинамъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ужа-сно! (Слѣдя за дымомъ сигары). Раньше я былъ пессимистъ, такъ сказать, по предчувствію.

Лотъ. А теперь развѣ убѣдился на опытѣ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Разумѣется. На моей вывѣскѣ изображено: «спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ».

Медицинская практика дѣлаетъ страшно умнымъ... до ужаса здоровымъ... она специфическое средство противъ... всякихъ заразъ.

Лотъ (смѣется). Ну, мы можемъ сейчасъ опять начать въ прежнемъ тонѣ. Я вовсе не пошелъ по твоимъ слѣдамъ. Теперь еще меньше, чѣмъ прежде... Такимъ образомъ ты, вѣроятно, также перемѣнилъ своего конька?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Конька?

Лотъ. Вѣдь женскій вопросъ въ прежнія времена былъ нѣкоторымъ образомъ твоимъ конькомъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ахъ, да! Почему я долженъ былъ его перемѣнить?

Лотъ. Потому что ты о женщинахъ думаешь еще хуже, чѣмъ...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (немного раздраженный, встаетъ и ходитъ взадъ и впередъ, при этомъ говоритъ). О женщинахъ!.. Нисколько!.. Я только дурно думаю о женитьбѣ... о бракѣ... о бракѣ, и при этомъ еще гораздо хуже я думаю о мужчинахъ... Женскій вопросъ, ты думаешь, меня больше не интересуетъ? Да? А зачѣмъ бы я работалъ здѣсь шесть долгихъ лѣтъ, какъ вьючная лошадь? Только для этого вопроса. Развѣ ты этого не зналъ съ самаго начала?

Лотъ. Гдѣ же я могъ здѣсь это узнать?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну, какъ сказано... я уже собралъ довольно значительный матеріалъ, который мнѣ можетъ оказать большія услуги... Тс!.. Я уже такъ привыкъ къ крику. (Замолкаетъ, слушаетъ, идетъ къ двери и возвращается). А что собственно привело тебя сюда, къ золотопромышленникамъ?

Лотъ. Я хотѣлъ бы изучить здѣшній бытъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (пониженнымъ тономъ). Идея! (Еще тише) Ты можешь получить у меня и этотъ матеріалъ.

Лотъ. Ты, конечно, хорошо освѣдомленъ о здѣшнемъ положеніи. Каковы здѣсь семейныя условія?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ужасныя!.. Всюду... уф!.. пьянство, кровосмѣшеніе, вслѣдствіе этого вырожденіе по всей линіи.

Лотъ. Есть же исключенія?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Едва ли.

Лотъ (безпокойно). Ты никогда не впадалъ въ искушеніе... жениться на дочери какого-нибудь виндорфскаго богача?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Фу, чортъ возьми! Да за

кого же ты меня считаешь? Съ тѣмъ же правомъ ты могъ бы меня спросить...

Лотъ (очень блѣдный). Какъ?.. почему?

Д-ръ Шиммельфеннигъ. Потому что... Да что съ тобой? (Пристально смотритъ на него нѣсколько секундъ).

Лотъ. Что со мной можетъ быть? Ровно ничего.

Д-ръ Шиммельфеннигъ (внезапно задумывается, идетъ и вдругъ останавливается съ легкимъ свистомъ, снова взглядываетъ бѣгло на Лота и говоритъ потомъ вполголоса самъ себѣ) Плохо!

Лотъ. Ужъ очень ты быстръ.

Д-ръ Шиммельфеннигъ. Тише! (Прислушивается и затѣмъ быстро уходитъ въ среднюю дверь).

Елена (входитъ черезъ нѣсколько секундъ въ среднюю дверь, она зоветъ). Альфредъ!.. Альфредъ!.. Ахъ, ты здѣсь, слава Богу!

Лотъ. А ты думала, я уже сбѣжалъ? (Обнимаетъ).

Елена (откидывается съ несомнѣннымъ испугомъ въ выраженіи). Альфредъ!

Лотъ. Что такое?

Елена. Ничего, ничего!

Лотъ. Но у тебя что-то есть?

Елена. Ты говорилъ со мной такъ... такъ холодно... Ахъ, у меня ужъ такія глупыя мысли.

Лотъ. Какъ дѣла наверху?

Елена. Докторъ ссорится съ акушеркой.

Лотъ. Не скоро еще кончится?

Елена. Развѣ я знаю?.. Но когда это... когда это кончится, тогда...

Лотъ. Что тогда?.. Говори же, прошу тебя! Что ты хотѣла сказать?

Елена. Уйдемъ тогда поскорѣй отсюда. Сейчасъ же! Сію же минуту!

Лотъ. Если ты дѣйствительно считаешь это самымъ лучшимъ, Леночка...

Елена. Да, да. Намъ нечего ждать. Это самое лучшее для тебя и меня. Если ты теперь же не возьмешь меня и оставишь здѣсь... тогда... тогда... тогда я погибну.

Лотъ. Какъ же ты недовѣрчива, Леночка!

Елена. Не говори этого, милый. Тебѣ всѣ вѣрятъ, тебѣ нельзя не вѣрить... Какъ только я буду твоя, тогда... тогда ты ужъ навѣрно меня не оставишь. (Какъ бы внѣ себя) Я заклинаю тебя, не уходи! Только не оставляй меня! Не уходи, Альфредъ! Все кончится, все, если выйдешь отсюда безъ меня!

Лотъ. Ну, какая ты странная!.. И ты еще говоришь, что вѣришь... Или они мучатъ тебя, пытаютъ тебя здѣсь еще ужаснѣе, чѣмъ я себѣ... Во всякомъ случаѣ мы уйдемъ еще сегодня же ночью. Я готовъ. Мы уйдемъ сейчасъ же, какъ ты захочешь.

Елена (сейчасъ же падаетъ ему на шею съ восторженной благодарностью). Любимый мой! (Цѣлуетъ его, какъ безумная, и быстро уходитъ. Д-ръ Шиммельпфеннигъ входитъ въ среднюю дверь; онъ еще замѣчаетъ, какъ Елена исчезаетъ въ двери зимняго сада).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Кто это былъ?.. Ахъ, да! (Про себя) Бѣдняжечка! (Садится, вздыхая, къ столу, находитъ старую сигару, отбрасываетъ ее въ сторону, беретъ изъ портсигара новую и начинаетъ бить ею о край стола, при чемъ онъ задумчиво пристально смотритъ на нее).

Лотъ (смотритъ на него). Точно такъ же и восемь лѣтъ тому назадъ тебѣ необходимо было постучать каждой сигарой, прежде чѣмъ закурить ее.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Возможно!.. (Закуривъ) Послушай-ка ты!

Лотъ. Что̀ такое?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты вѣдь, какъ только кончится наверху исторія, поѣдешь со мной ко мнѣ?

Лотъ. Къ сожалѣнію, это невозможно.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Хочется снова основательно откровенно высказаться.

Лотъ. Мнѣ точно такъ же, какъ и тебѣ. Но сегодня совершенно не въ моей власти съ тобой...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А если я тебѣ прямо и въ нѣкоторой степени торжественно объявляю: есть опредѣленное, въ высшей степени важное дѣло, о которомъ я хотѣлъ бы сегодня же ночью поговорить съ тобой... даже долженъ говорить, Лотъ.

Лотъ. Странно! Я не могу этого принять въ серьезъ. Столько лѣтъ ты ждалъ съ этимъ, а теперь нельзя подождать одного дня? Ты же вѣришь, что я не думаю отвиливать.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Итакъ, это, значитъ, правда! (Встаетъ и ходитъ кругомъ).

Лотъ. Правда?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (стоитъ молча передъ Лотомъ, прямо смотря ему въ глаза). Такъ это правда, что между тобой и Еленой Краузе что-то происходитъ?

Лотъ. Между мной?.. Кто же тебѣ?..

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А какимъ же образомъ ты въ этомъ семействѣ?..

Лотъ. Откуда ты знаешь все это?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Догадаться было не трудно.

Лотъ. Ну такъ молчи, ради Бога, чтобы не...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Такъ вы дѣйствительно помолвлены?

Лотъ. Какъ тебѣ сказать? Во всякомъ случаѣ, мы оба согласны.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гм!.. Но какъ ты попалъ сюда, именно въ это семейство?

Лотъ. Да вѣдь Гофманъ мой школьный товарищъ. Онъ тоже былъ членомъ—конечно, по имени—моего колоніальнаго союза.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я слышалъ о немъ въ Цюрихѣ. Такъ онъ съ тобой знакомъ! Слава о немъ идетъ печальная.

Лотъ. Да.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну, да не въ этомъ дѣло. И ты это дѣйствительно серьезно?.. Исторія съ Краузе?

Лотъ. Само собой разумѣется... Ты сомнѣвался въ этомъ? Вѣдь ты же меня за подлеца не...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну хорошо! Только не горячись. Вѣдь могъ же ты измѣниться за эти долгіе годы. Почему нѣтъ? Немного юмора не могло бы тебѣ повредить. Я не понимаю, почему все надо принимать съ такой проклятой серьезностью.

Лотъ. Для меня это теперь серьезнѣе, чѣмъ прежде. (Встаетъ и подходитъ, заходя нѣсколько сзади, къ Шиммельпфеннигу). Ты вѣдь не можешь знать, а я не могу тебѣ сказать, какъ важенъ для меня этотъ вопросъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гм!

Лотъ. Ты не имѣешь понятія, что̀ это за состояніе. Пока этого только ждешь, — его не знаешь. Но если его узна̀ешь, тогда—тогда прямо съ ума сойдешь отъ страстнаго ожиданія.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пусть чортъ пойметъ, какъ вы доходите до этого безумнаго ожиданія.

Лотъ. Ты тоже еще не застрахованъ отъ него.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Желалъ бы я это поглядѣть!

Лотъ. Ты говоришь, какъ слѣпой о краскахъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Простое увлеченіе! Смѣшно! И на этомъ строить бракъ на всю жизнь... Все равно, что на кучѣ песку.

Лотъ. Увлеченіе... увлеченіе!.. Кто говоритъ объ увлеченіи, тотъ ничего не понимаетъ. Увлеченіе мимолетно. Такія увлеченія у меня уже были, сознаюсь въ этомъ. Но это—нѣчто совсѣмъ другое.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гм!

Лотъ. Я разсуждаю совершенно хладнокровно. Ты думаешь, что я смотрю на нее... ну, какъ тебѣ сказать?.. ну, какъ сказать?.. Съ пристрастіемъ? Совсѣмъ нѣтъ! У нея есть недостатки, она не особенно красива, по меньшей мѣрѣ, но она и не уродъ. Я обсудилъ совершенно объективно, и—конечно, это дѣло вкуса — я никогда еще не встрѣчалъ такой прекрасной дѣвушки. Итакъ, увлеченіе—пустяки. Я такъ разсудителенъ, какъ только возможно. Но, видишь ли, вотъ что странно: я совсѣмъ не могу думать безъ нея... это мнѣ представляется, какъ сплавъ, знаешь, когда два металла такъ тѣсно сплавлены, что уже нельзя сказать: это такой-то, а это такой. Все это вполнѣ понятно, однимъ словомъ, это, можетъ-быть... безуміе,—то-есть въ твоихъ глазахъ, можетъ-быть, это и безуміе, но для меня ясно одно: кто этого не знаетъ, тотъ достойная сожалѣнія лягушка. Такой лягушкой я былъ до сихъ поръ, а ты и теперь еще такая же жалкая лягушка.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да вѣдь тутъ весь комплектъ симптомовъ налицо. И зачѣмъ вамъ надо лѣзть по уши въ вещи, которыя теоретически вы ужъ давно отвергли, какъ, напримѣръ, ты — бракъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя знаю, ты страдаешь этой несчастной брачной маніей.

Лотъ. Это мое стремленіе, прямо стремленіе. Боже мой, если бы я могъ перемѣниться такъ, какъ я хочу!

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Но вѣдь въ концѣ концовъ можно и преодолѣть стремленіе.

Лотъ. Да, если есть цѣль, то почему же и нѣтъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А женитьба имѣетъ цѣль?

Лотъ. Я это и подразумѣваю. Она имѣетъ цѣль. Для меня она имѣетъ цѣль. Ты не знаешь, какъ я тратилъ свои силы до сихъ поръ. Я не сентименталенъ. Я, можетъ-быть, не такъ ясно чувствовалъ это, можетъ, я не сознавалъ такъ рѣзко, какъ теперь, что въ моемъ стремленіи у меня было что-то ужасно пустынное, почти механическое. Ни духа, ни темперамента, ни жизни, да кто знаетъ, была ли еще во мнѣ вѣра? Все это съ... съ сегодняшняго дня снова выростаетъ во мнѣ. Я такъ удивительно полонъ,

такъ самобытенъ, такъ радостенъ... Безуміе... ты этого не понимаешь.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Все, что для васъ необходимо, чтобы оставаться жизнерадостными: вѣра, любовь, надежда,—для меня это хламъ. Для меня это совершенно ясно: человѣчество лежитъ въ агоніи, и каждый изъ насъ старается наркотическими средствами сдѣлать эту агонію насколько можно менѣе мучительною.

Лотъ. Твоя новѣйшая основная точка зрѣнія?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Все одна и та же уже пять-шесть лѣтъ.

Лотъ. Поздравляю!

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Благодарю! (Долгая пауза).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (послѣ нѣсколькихъ безпокойныхъ приступовъ). Дѣло, къ сожалѣнію, обстоитъ такъ, что я считаю себя обязаннымъ... Я долженъ тебѣ сказать это во что бы то ни стало... Я думаю что ты не можешь жениться на Еленѣ Краузе.

Лотъ (холодно). Да, ты думаешь?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да, я такого мнѣнія. Существуютъ препятствія, которыя для тебя какъ разъ...

Лотъ. Послушай, ради Бога, объ этомъ не безпокойся. Вопросъ вовсе не такъ сложенъ, въ концѣ концовъ онъ даже ужасно простъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Или, вѣрнѣе сказать: просто ужасенъ.

Лотъ. Я говорю о томъ, что касается препятствій.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я тоже отчасти. Но также и вообще. Не думаю, чтобы ты вполнѣ ознакомился съ этимъ вопросомъ.

Лотъ. Я его достаточно изучилъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Тогда ты долженъ бы неизбѣжно перемѣнить свой взглядъ.

Лотъ. Пожалуйста, Шиммель, говори яснѣе.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Тогда тебѣ придется отказаться отъ твоихъ главныхъ требованій относительно брака, хотя ты только-что далъ понять, что для тебя важнѣе всего произвести на свѣтъ родъ, здоровый душою и тѣломъ.

Лотъ. Отказаться?.. отказаться? Почему же я долженъ?..

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Вѣдь ничего же больше не остается... Значитъ, ты ничего не знаешь, ты, можетъ-быть, не знаешь и того, что у Гофмана былъ сынъ, который трехъ лѣтъ уже умеръ отъ алкоголизма.

Лотъ. Что... что ты говоришь?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Мнѣ очень тяжело, Лотъ, но я долженъ тебѣ это сказать. Вѣдь ты тогда можешь дѣлать, что хочешь. Дѣло было не шуточное. Они такъ же, какъ и теперь, гостили здѣсь. Они прислали за мной, опоздали на полчаса. Мальчикъ уже давно истекъ кровью.

(Лотъ съ выраженіемъ глубокаго, ужаснаго потрясенія, внимательно слушаетъ доктора).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Глупый мальчишка тянулся къ уксусной бутылкѣ, думая, что въ ней его любимая водка. Бутылка упала, и мальчикъ упалъ на осколки. Здѣсь внизу, видишь ли, vena saphena, онъ ее и перерѣзалъ.

Лотъ. Ч...ч...ей ребенокъ, говоришь ты?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гофмана и той же самой барыни, которая тамъ наверху опять... И она тоже пьетъ, пьетъ до потери сознанія, пьетъ, сколько можетъ выпить.

Лотъ. Такъ это не отъ Гофмана... не отъ Гофмана?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Сохрани Господи, это-то и трагично для человѣка. Онъ страдаетъ отъ этого, насколько онъ вообще можетъ страдать. Впрочемъ, онъ зналъ, что вступаетъ въ семью пьяницъ. Отецъ уже и не выходитъ больше изъ трактира.

Лотъ. Теперь я многое понимаю... Нѣтъ... я все понимаю, все! (Послѣ тяжелаго молчанія) Такъ ея жизнь здѣсь... Жизнь Елены, ну, какъ сказать? Я не могу найти подходящаго слова...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Прямо ужасна. Это я могу засвидѣтельствовать. Что ты привязался къ ней, мнѣ съ самаго начала стало очень понятно. Но, какъ я уже сказалъ...

Лотъ. Ну хорошо!.. Понимаю... Можетъ-быть, можно было бы... можно было бы побудить Гофмана что-нибудь... что-нибудь сдѣлать? Ты не могъ бы повліять на него? Его слѣдовало бы вырвать изъ этого болота.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гофмана?

Лотъ. Да.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Плохо ты его знаешь... Не думаю, чтобы онъ ее уже развратилъ. Но имя ея онъ уже безусловно опорочилъ.

Лотъ (вспыливъ). Если это такъ, я убью его... Ты дѣйствительно думаешь?.. Ты дѣйствительно считаешь Гофмана способнымъ...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я считаю его способнымъ

на все, на все, если это доставляетъ ему, конечно, удовольствіе.

Лотъ. Тогда она—самое чистое созданіе, какое только есть... (Лотъ медленно беретъ шляпу и палку и надѣваетъ на себя сумочку).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Что ты думаешь дѣлать, Лотъ?

Лотъ. Не встрѣчаться

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты, значитъ, рѣшился?

Лотъ. На что рѣшился?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Разорвать ваши отношенія?

Лотъ. Какъ же я могу не рѣшиться на это?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я, какъ врачъ, могу тебѣ еще сказать, что извѣстны случаи, когда наслѣдственныя болѣзни удается подавить, а вѣдь ты, конечно, далъ бы своимъ дѣтямъ раціональное воспитаніе.

Лотъ. Ну и пусть такіе случаи извѣстны

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. И вѣроятность можетъ быть не такъ ужъ ничтожна, чтобы...

Лотъ. Это не можетъ намъ помочь, Шиммель. Дѣло стоитъ такъ: есть три выхода. Или я женюсь на ней, и тогда... нѣтъ, этотъ исходъ невозможенъ. Или пуля въ лобъ. Ну, тогда по крайней мѣрѣ будетъ хоть покой. Но нѣтъ! Такъ далеко мы еще не зашли, это еще всегда успѣется. Итакъ: жить! бороться!.. Дальше, все дальше! (Взглядъ его падаетъ на столъ, онъ замѣчаетъ поставленный Эдуардомъ на мѣсто письменный приборъ, садится, схватываетъ перо, колеблется и говоритъ). Или наконецъ?..

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я обѣщаю тебѣ представить ей положеніе какъ можно понятнѣе.

Лотъ. Да, да... Только... Я не могу иначе! (Онъ пишетъ, адресуетъ и запечатываетъ конвертъ. Встаетъ и протягиваетъ Шиммельпфеннигу руку). Въ остальномъ я полагаюсь на тебя.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты ѣдешь ко мнѣ? да? Мой кучеръ отвезетъ тебя.

Лотъ. Послушай, нельзя ли по крайней мѣрѣ попытаться вырвать ее изъ рукъ этого... этого человѣка? Вѣдь иначе она неизбѣжно сдѣлается его добычей.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты добръ, но достоинъ сожалѣнія. Знаешь, что я тебѣ посовѣтую? Не отнимай у нея того немногаго, что ты ей еще оставляешь.

Лотъ (съ глубокимъ вздохомъ). Мученіе... можетъ-быть, ты правъ... да, конечно, даже навѣрное. (Слышно, какъ кто-то поспѣшно идетъ съ лѣстницы. Вслѣдъ затѣмъ врывается Гофманъ).

Гофманъ. Докторъ, прошу васъ, ради Бога!.. Она безъ силъ... роды кончаются... Можетъ-быть, вы..

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Иду. (Къ Лоту, значительно) До свиданья. (Къ Гофману, который хочетъ идти за нимъ) Г-нъ Гофманъ, я долженъ васъ просить... Присутствіе постороннихъ можетъ помѣшать, можетъ оказаться роковымъ... мнѣ было бы пріятнѣе всего, если бы вы остались внизу.

Гофманъ. Вы требуете многаго, но... нна!

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Не болѣе того, что слѣдуетъ. (Уходитъ. Гофманъ остается).

Гофманъ (замѣчая Лота). Я дрожу, волненіе охватываетъ всѣ мои члены. Собираешься уѣзжать?

Лотъ. Да.

Гофманъ. Теперь, ночью?

Лотъ. Только къ Шиммельпфеннигу.

Гофманъ. Ахъ, такъ! Теперь... когда такъ сложились обстоятельства, въ концѣ концовъ, быть у насъ нѣтъ никакого удовольствія... Ну, будь здоровъ...

Лотъ. Благодарю за гостепріимство.

Гофманъ. Ну, а какъ же дѣло съ твоимъ планомъ?

Лотъ. Планомъ?

Гофманъ. Я говорю о твоей работѣ, о твоей народно-хозяйственной работѣ о нашемъ округѣ. Я долженъ тебѣ сказать... я хотѣлъ тебя даже, какъ друга, убѣдительно и душевно попросить...

Лотъ. Не безпокойся. Завтра я буду далеко за горами.

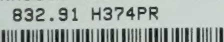
Гофманъ. Вотъ это... (Обрываетъ).

Лотъ. Прекрасно съ твоей стороны, вѣроятно, хотѣлъ ты сказать?

Гофманъ. То-есть... да... съ извѣстной точки зрѣнія; впрочемъ, ты извинишь меня, я такъ ужасно возбужденъ. Разсчитывай на меня. Старые друзья всегда самые лучшіе. Прощай, прощай! (Уходитъ въ среднюю дверь).

Лотъ (пока выходитъ въ дверь, оборачивается еще разъ назадъ и запечатлѣваетъ въ своей памяти еще разъ всю комнату. Потомъ самому себѣ) Теперь я могу уйти. (Взглядываетъ въ послѣдній разъ и уходитъ).

(Комната нѣсколько секундъ остается пустой. Слышны заглушенные голоса и шумъ шаговъ, затѣмъ появляется Гофманъ. Затворивъ дверь, вынимаетъ, несоотвѣтственно спокойно, свою записную книжку и что-то высчитываетъ, при этомъ прерываетъ себя и прислушивается, ста-

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Pred voskhodom solntsa : drama
832.91 H374PR

D902885795